

Аллан Кардек

Бытие. Чудеса и предсказания по спиритизму

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176679
Аллан Кардек *Бытие. Чудеса и предсказания по спиритизму*: 1995
ISBN 5-85880-246-X*

Аннотация

Работы одного из основателей современного спиритизма – научного подхода к изучению миру, противоположного материализму. Рассмотрение духовных истин с научной точки зрения. Объяснение чудес и предсказаний на основе научного спиритического подхода.

Духовное учение происходит из коллективного и согласного наставления Духов. Наука призвана установить бытие по законам природы. Бог величие Свое и могущество доказывает неизменностью Своих законов, а не их отметанием. Прошедшее и будущее для Бога – настоящее.

Содержание

Глава 1. Характер спиритического откровения	4
Глава 2. Бог	23
Существование Бога	23
Природа Божия	25
Провидение	28
Лицезрение Бога	31
Глава 3. Добро и зло	33
Происхождение добра и зла	33
Инстинкт и разум	36
Уничтожение живых существ одних другими	40
Глава 4. Роль науки в объяснении мироздания	42
Глава 5. Древнейшие и новейшие системы мироздания	46
Глава 6. Всеобщая уранография (Космография)[13]	50
Пространство и время	50
Материя	52
Законы и силы	54
Первоначальное творение	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Аллан Кардек

Бытие. Чудеса и предсказания по спиритизму

Глава 1. Характер спиритического откровения

1. Можно ли рассматривать спиритизм как откровение, и в таком случае каков его характер? На чем основывается его достоверность? Кто и каким образом его получил? Есть ли спиритическая доктрина – откровение в богословском смысле слова, то есть, во всех ли она отношениях продукт оккультного наставления, полученного свыше? Абсолютна ли она или может подвергаться видоизменениям? Принося людям готовую истину и избавляя их от труда исследования, не ведет ли она к бездействию их способностей? Какой авторитет может иметь учение духов, если они не непогрешимы и не выше человечества? Какая польза в их нравственных наставлениях, если они тождественны со всем известным учением Христа? Какие новые истины они приносят нам? Нужно ли человеку откровение и не может ли он в самом себе, в своей совести найти все, что ему необходимо для собственного руководства в жизни? – Вот каковы вопросы, на которых следует остановиться.

2. Определим сначала значение слова: откровение. В обычном употреблении оно означает сообщение всякого до тех пор не известного факта или новой идеи, наводящей на путь к разрешению того, что раньше было тайной.¹

В этом смысле все науки, знакомящие нас с законами природы, составляют для нас откровение, можно даже сказать, что этого рода откровения происходят для нас непрестанно. Астрономия открыла нам ранее неизвестный мир небесных тел, геология объяснила строение земли, химия – законы сродства, а физиология – функции организмов, и пр., и пр. Коперник, Галилей, Ньютон, Лаплас, Лавуазье, делавшие открытия, тем самым сообщали нам откровения.

3. Существенным признаком откровения должна быть истина. Открыть тайну значит сообщить факт, а то, что неправда, – не факт и не представляет откровения. Если оно не соответствует действительности, то это уже не факт и, следовательно, не откровение и, хотя бы оно приписывалось Богу, не могущему ни лгать, ни ошибаться, но происходит не от Него и должно рассматриваться как продукт человеческого измышления.

4. В чем состоит воздействие наставника или учителя на учеников, если не в передаче им откровений? Он сообщает им то, чего они не знают и чего не имели бы ни времени, ни возможности открыть сами. Наука есть продукт коллективного труда целых веков и множества людей, принесших каждый свою долю наблюдений, которыми и пользуются их последователи. Итак, преподавание есть в действительности откровение некоторых истин, научных или нравственных, физических или метафизических, сообщаемых людьми знающими тем, кто их не знает и кто без этого обучения никогда бы их не узнал.

5. Но преподаватель учит только тому, чему научился от других людей: это откровение второстепенное. Гениальный же человек сообщает то, что открыл сам: это откровение первостепенное. Он приносит свет, который мало-помалу распространяется. Что было бы с человечеством без откровения этих гениальных умов, появляющихся от времени до времени!

---

¹ Французское слово *reveleer* – открывать, от латинского *revelare*, имеющего корнем *velum* – завеса, в буквальном смысле значит поднять завесу, а в переносном – объявить что-либо тайное или неизвестное.

Но что такое гениальные люди? Почему они гениальны и откуда они берутся? Заметим, что большая часть их обнаруживает врожденные, выдающиеся способности и познания, для развития которых достаточно самого незначительного труда. Что они действительно относятся к человечеству – несомненно, так как они рождаются, живут и умирают, как другие люди. Откуда же они взяли эти знания, которых не могли приобрести при жизни? Сказать ли с материалистами, что случай дал им мозговое вещество лучшего качества и в большем количестве, чем большинству людей? В таком случае они не обладали бы большим достоинством, чем какой-нибудь овощ, более крупный или более вкусный, чем другие. Сказать ли с некоторыми спиритуалистами, что Бог одарил их душою более совершенной, чем у обыкновенных людей? Но это предположение не логичнее первого, потому что приписывает Богу несправедливое пристрастие.

Единственно рациональное решение этой задачи можно найти только в признании предсуществования души и множественности воплощений. Гениальный человек – это дух, живший дольше других и потому прогрессирующий и приобретший больше, чем другие, менее совершенные духи. Воплощаясь, он приносит свои познания; а так как он знает много больше других, не нуждаясь в обучении, то он и является умом гениальным. Но знания его все-таки составляют плод его предшествующих трудов, а не результат привилегии. Прежде чем воплотиться, он уже был духом высокоразвитым и возродился вновь для того, чтобы другие могли воспользоваться его знаниями и чтобы самому приобрести еще большее совершенство.

Люди, несомненно, совершенствуются сами собой, своими собственными усилиями; но если они предоставлены одним своим силам, то они прогрессируют медленнее, чем при помощи более просвещенных людей, подобно ученикам, руководимым наставниками.

Все народы имеют своих великих людей, являющихся в разные эпохи, чтобы вывести своих соплеменников из инертности и дать им новое направление.

6. Если признавать промысел Божий обо всех тварях, то почему не признать, что духи, по энергии и умственному развитию способные подвинуть человечество, волею Божию воплощаются для того, чтобы способствовать прогрессу в определенном направлении. Они получают миссию подобно посланнику от посылающего его государя. Таково назначение великих людей. Они являются, чтобы научить людей новым истинам, которые иначе еще долгое время оставались бы им неизвестны, и чтобы помочь массам быстрее подняться на следующую ступень. Эти гении, веками появляющиеся как блестящие светила, оставляют за собой долгий, светлый след в человечестве; это миссионеры или даже мессии, и новые истины, сообщаемые ими из области физической или философской, составляют откровения.

Если Бог допускает откровения научных истин, то тем более может допустить открытие истин нравственных, составляющих существенный элемент прогресса. Так было с философами, идеи которых переживали целые века.

7. В отношении собственно религиозных верований, откровением называется преимущественно сообщение духовных истин, которые человек сам собою познать не может, не может и открыть их посредством собственных чувств. Такого рода знание сообщается ему Богом или Его вестниками, непосредственным словом или внушением. В таких случаях откровение делается всегда людям особо одаренным, так называемым пророкам, или мессиям, т. е. посланникам, миссионерам, имеющим поручение, миссию передать это откровение людям. Рассматриваемое с этой точки зрения откровение требует полной пассивности и должно быть принимаемо без всякого расследования или рассмотрения, без всякого обсуждения.

8. Все религии имели таких пророков, и хотя многие из них знали не всю истину, но все-таки имели назначение, согласно с промыслом Божиим. Они соответствовали времени и среде, в которой жили, и особенностям духа тех народов, к которым они обращались, будучи

относительно выше их. Несмотря на заблуждения их учений, они все же пробуждали умы и тем самым сеяли семена прогресса, который расцветал впоследствии или расцветет со временем, когда взойдет солнце христианства. И потому их напрасно предают анафеме во имя правоверия: придет день, когда все верования, как бы они ни были различны по форме, но основываясь в действительности на одном общем принципе – Боге и бессмертии души, – сольются в общем великом единстве, когда разум победит предрассудки.

К несчастью, религии всегда были орудиями господства; влияние пророков соблазняло много второстепенных честолюбий, и появлялось множество лжепророков и лжемессий, эксплуатировавших суеверие ради личного самолюбия, своекорыстия или даже лени: они находили удобным жить за счет обманутых ими жертв. И христианство не избежало таких паразитов. Мы обращаем по этому поводу серьезное внимание наших читателей на 21-ю главу «Евангелия в разъяснении спиритизма»: «*Явятся лжехристы и лжепророки*».

9. Могут ли люди получать непосредственные откровения от Бога? На этот вопрос мы не посеем ответить вполне определенно ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Мы не считаем это совершенно невозможным, но и неопровержимого доказательства этого не встречаем нигде. Вне всякого сомнения то, что высшие, ближайшие к Богу духи проникаются Его мыслью и могут ее передавать. Что же касается воплощенных пророков, то, смотря по иерархическому положению, какое они занимают, и степени их личных познаний, они могут черпать свои вдохновения или из собственных знаний, или из сообщений более высоких духов, непосредственных послов Божиих. Эти же говорящие от имени Божия могли быть иногда сочтены за Самого Бога.

Такого рода сообщения не представляют ничего удивительного для тех, кому известны спиритические явления и способ, каким устанавливаются отношения между воплощенными и невоплощенными духами. Сообщения могут передаваться различным образом: посредством простого внушения или слышимым словом, или видением духов-наставников, появляющихся во сне или в бодрственном состоянии, как тому встречаются примеры в Библии, в Евангелии и в священных книгах всех народов. Потому мы с самой строгой точностью можем сказать, что откровения передаются большею частью вдохновенным медиумам, слышавшим или видящим; из чего, однако, не следует, что все медиумы были способны сообщать откровения и тем самым быть посредниками между Самим Богом и людьми, или орудиями Его ближайших послов.

10. Одни только чистые духи получают слово Божие и полномочие передавать его; но теперь известно, что не все духи совершенны и что есть такие, которые принимают обманчивый, ложный облик. О них Ап. Иоанн говорит: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (Первое соборное послание, гл. 4, ст. 1).

Бывают сообщения истинные и серьезные, а другие – ложные и поддельные. *Вечная истина – вот необходимый признак божественного откровения. Всякое откровение, заключающее заблуждение или могущее видоизменяться, не исходит от Бога.* Так, десять заповедей синайского законодательства носят на себе все признаки своего божественного происхождения; но не то с остальными законами Моисея. Они преходящи, часто противоречат синайским заповедям и составляют личный политический труд еврейского законодателя. Нравы народные смягчились, и законы эти сами собой вышли из употребления, а десятизаконие осталось неизменным, как вечный светоч человечества. Христос положил его в основание Своего здания, а остальные законы отменил. Если бы они были так же божественны, то он не коснулся бы их. Христос и Моисей – это два великих законодателя, которые изменили лицо земли, и в том доказательство их божественной миссии. Чисто человеческое дело не было бы столь могущественно.

11. В настоящее время мы получаем чрезвычайно важное откровение о возможности общения с существами духовного мира. Знание это, конечно, не ново; но оно оставалось

до наших дней, как бы в виде мертвой буквы без всякой пользы для человечества. Суеверие заглушило это общение вследствие незнания законов, управляющих им, и люди были неспособны извлечь из него какую-нибудь пользу; только нашему времени предоставлено очистить его от лишних придатков, оценить всю его важность и извлечь из него свет, который должен озарить дальнейший путь.

12. Спиритизм, познакомив нас с окружающим нас невидимым миром, среди которого мы жили, не подозревая его, с законами, управляющими им, с отношениями его к миру видимому, с природой и состоянием существ, его населяющих, и, следовательно, с судьбой человека после смерти, составляет настоящее откровение в полном, научном смысле этого слова.

13. По своей природе спиритическое откровение имеет двойной характер; оно одновременно представляет черты божественного и научного откровения. Божественно оно потому, что проявилось по произволению Божию, а не по предвзятому намерению или инициативе человека: его пришествие есть дело промысла Божия; также потому, что основные пункты этого учения преподаны духами, которым Бог повелел просветить людей в том, чего они не знали и чего сами собою не могли бы узнать, но что им необходимо знать с тех пор, как они доросли до понимания этих вещей. Научный же характер проявляется в том, что это учение не составляет привилегии какого-либо одного лица, но дается всем одним и тем же путем или способом. Как передающие, так и воспринимающие его действуют не пассивно и не избавлены от труда наблюдения и исследования; они не отказываются от своего суждения и от свободы своей воли; им не только не запрещается контролировать сообщения, но даже советуется это делать; и, наконец, это учение не продиктовано все целиком и не требует слепой веры: оно выводится самим человеком из наблюдения указанных ему духами фактов и даваемых ими наставлений. Эти наставления он может изучать, комментировать, сравнивать и извлекать из них следствия и приложения. Одним словом: *отличительное свойство спиритического откровения состоит в том, что происхождение его божественно, инициатива принадлежит духам, а разработка есть результат труда человеческого.*

14. Для разработки спиритизма служат те же приемы, какие употребляются в точных науках, т. е. применяется экспериментальный метод. Встречая новые факты, не находящие объяснения в известных уже законах, спиритизм их наблюдает, сравнивает, анализирует и, от явлений восходя к причинам, доходит до законов, управляющих ими. Затем он выводит следствия, и отыскивает полезные применения. Он не устанавливает никакой предвзятой теории; ни существования, ни воздействия духов, ни перисприта, ни перевоплощения, ни одного из принципиальных положений учения спиритизм не выставил как гипотезу. Он вывел заключение о существовании духов только тогда, когда оно, несомненно, выяснилось из наблюдения фактов; и так со всеми основными принципами. Не факты приводятся как следствия для подтверждения теории, а теория вытекает из фактов для их объяснения и объединения. Итак, можно, вполне точно выражаясь, сказать, что спиритизм есть наука опытная, а не плод воображения. Науки вообще делают серьезные успехи только с момента приложения к их изучению экспериментального метода; но до сего времени думали, что этот метод приложим только к материи, а оказывается, что он одинаково пригоден и в вопросах метафизики.

15. Приведем пример. В мире духов происходит очень странное явление, какого никто не мог бы предположить: это существование духов, которые не считают себя умершими. И вот, высшие духи, которым отлично известен этот факт, не пришли наперед сказать: «Есть духи, думающие, что живут еще земной жизнью, и сохраняющие свои вкусы, привычки и инстинкты», и вызвали проявления подобных духов, чтобы дать нам возможность их наблюдать. Тогда, видя духов, сомневающихся в своем состоянии или утверждающих, что они еще в земном мире и занимаются своими обычными делами, из примера вывели правило. Множество аналогичных фактов доказало, что это явление не исключительное, а свойственное известному фазису спиритической жизни, и явилась возможность изучить все разнообразно-

сти и причины такой странной иллюзии. Это состояние свойственно духам малоразвитым нравственно и сопровождается определенными родами смертных случаев; оно бывает только временно, но может продолжаться днями, месяцами или годами. Тут теория выведена из наблюдения. То же самое имеет место и относительно всех других положений учения.

16. Как наука в собственном смысле имеет предметом изучения законы материи, так специальным предметом спиритизма есть изучение законов духа; а так как дух есть одна из сил природы, непрестанно действующих на материю и принимающих ее воздействие, то, следовательно, знание одного из этих миров не может быть полно без знания другого. *Спиритизм и наука дополняют друг друга*; наука без спиритизма бессильна объяснить некоторые явления одними законами материи, а спиритизму без науки недоставало бы основания и проверки. Изучение законов материи должно было предшествовать изучению духовности, потому что материя первая поражает чувства. Если бы спиритизм явился ранее научных открытий, то не имел бы успеха, как все, что приходит не в свое время.

17. Все науки имеют последовательную связь между собой; они рождаются одна от другой в логическом порядке по мере того, как находят точку опоры в предшествующих познаниях и идеях. Астрономия, одна из первых изучавшихся наук, оставалась в периоде ребяческих заблуждений до тех пор, пока физика не открыла законов взаимодействия физических сил. Химия, вполне зависящая от физики, должна была следовать за нею на близком расстоянии, чтобы впоследствии идти обеим рядом, взаимно поддерживая одна другую. Анатомия, физиология, зоология, ботаника, минералогия приобрели истинно научный характер только благодаря знаниям, доставленным физикой и химией. Геология, так недавно появившаяся, нашла свои жизненные основы в астрономии, физике, химии и других науках; она не могла бы появиться раньше их.

18. Современная наука отрешилась от четырех первоначальных элементов, признаваемых в древности, и посредством наблюдений дошла до понятия о едином элементе, производящем все видоизменения материи; но сама по себе материя инертна; она не имеет ни жизни, ни мысли, ни чувства; ей нужно соединение с началом духовным. Спиритизм не открыл и не изобрел этого последнего начала, но первый неопровержимыми доводами доказал его существование; он его изучил, анализировал и показал его деятельность со всей возможной очевидностью. *К элементу материальному он добавил элемент духовный.*² Материя и дух – вот два начала, две живые силы природы, неразрывным сочетанием которых объясняются многие факты, ранее необъяснимые. Спиритизм, имеющий целью изучение одного из двух составных элементов вселенной, необходимо соприкасается со многими науками; он мог явиться только после их разработки и, по самой силе вещей, он рождается от невозможности все объяснить при помощи одних только законов материи.

19. Спиритизм обвиняют в близком его родстве с магией и колдовством, но при том забывают, что астрономия уступает старшинство астрологии, не столь еще отдаленной от нас, и что химия – дочь алхимии, которой не посмел бы теперь заниматься ни один здравомыслящий человек. При том, однако, никто не отрицает, что в астрологии и алхимии скрывались семена истин, из которых развились современные науки. Несмотря на пустоту своих формул, алхимия навела на мысль о простых телах и о законе сродства; астрология опиралась на положения и движения светил, которые она изучала; но в неведении истинных законов, управляющих вселенной, суеверные люди представляли себе эти светила какими-то таинственными существами, имеющими нравственное влияние и пророческое значение. Когда Галилей, Ньютон, Кеплер открыли эти законы, и телескоп, разорвав завесу, бросил в

---

² Слово «элемент» принято здесь не в смысле простого тела или первоначальных молекул, но в смысле составной части целого. В этой смысле можно сказать, что духовный элемент принимает живое участие в экономике вселенной, как говорят об элементе гражданском или военном, составляющем определенную часть населения; говорят: религиозный элемент входит в воспитание; или: в Алжире существуют арабский и европейский элементы.

глубину пространства взгляд, который многим показался дерзновенным, то планеты явились перед нами как простые миры, подобные нашему, и все чудесное здание рушилось.

Такое же отношение и спиритизм имеет к магии и колдовству. Последние так же опирались на проявления духов, как астрология на вращение планет; но, в неведении законов духовного мира, они примешивали к сообщению с ним суеверные приемы, от которых современный спиритизм, основанный на опыте и наблюдении, совершенно отказался. Можно сказать положительно, что расстояние, отделяющее спиритизм от магии и колдовства, больше того, которое находится между астрономией и астрологией или химией и алхимией; смешивать их – значит доказывать полное незнание с ними.

20. Уже одна возможность сообщаться с существами духовного мира приводит к неисчислимым последствиям, имеющим величайшую важность; это целый, открывающийся нам новый мир, имеющий для нас тем большее, значение, что он ожидает всех нас без исключения. Это знание не может не привести к глубокому изменению в нравах, обычаях и верованиях, имеющих такое огромное влияние на общественные отношения. Это целая революция, происходящая в идеях, революция тем более могущественная, что она не ограничивается одним народом или одной кастой, но касается одновременно всех классов, всех национальностей, всех культов. Итак, выясняется полное основание считать спиритизм третьим великим откровением. Посмотрим, чем эти откровения различаются одно от другого и какую связь имеют между собой.

21. Моисей, как пророк, открыл людям существование Единого Бога, всемогущего Владыки и Творца всех вещей; он провозгласил Синайский закон и положил первые основания истинной веры; как человек, он был законодателем того народа, через который эта первобытная вера, очистившись, должна была распространиться по всей земле.

22. Христос, приняв из Ветхого завета то, что в нем было божественно и вечно, отбросив то, что было только преходяще, дисциплинарно и происходило от человеческого измышления, прибавил откровение о будущей жизни, о которой Моисей не упоминал, и о наградах и наказаниях, ожидающих человека после смерти.

23. Самая важная часть откровения Христова в смысле первоисточника, краеугольного камня Его учения, – это совершенно новый взгляд Его на Божество. Это уж не тот грозный, ревнивый и мстительный Бог Моисея; жестокий и немилостивый, орошающий землю кровью человеческою, повелевающий истребление народов, не исключая женщин, детей и старцев, и карающий всякого, кто пожалел жертв; это не тот несправедливый Бог, который наказывает целый народ за преступление его главы, отмщает вину на невинных и карает детей за грех отцов, но Бог милостивый, благой, справедливый, кроткий и милосердный, прощающий кающегося грешника и *воздающий каждому по делам его*. Это Бог уже не одного избранного народа, не Бог воинств, ратующий против бога других народов, но общий Отец всего человечества, распространяющий благоволение на всех Своих детей и всех их призывающий к Себе; это Бог, карающий и награждающий уж не одними земными благами, дарующий славу и благоденствие за покорение враждебных народностей и награждающий многочисленностью потомства. Но это Бог, говорящий людям: «Ваше истинное отечество не в сем мире, но в царствии небесном: там кроткие сердцем будут возвышены, а гордые будут унижены». Это уже не тот Бог, который, повелевая мщение, воздаст око за око и зуб за зуб, но Бог милосердный, говорящий: «Прощайте обидевших вас, если хотите, чтобы вам было прощено, платите добром за зло и не делайте другому того, чего не хотели бы для себя». Это уже не тот мелочный Бог, который под страхом наказания предписывает, как должно поклоняться Ему, и придиричиво оскорбляется несоблюденной обрядностью. Это Бог великий, взирающий на мысли и не ценящий формы; наконец, это Бог, желающий, чтобы Его любили, а не боялись.

24. Бог есть основание всех верований и цель всех культов и поклонений, и потому характер религий соответствует тому понятию, какое они составляют себе о Боге. Те, которые видят в Боге мстительность и жестокость, думают угодить Ему жестокостями, кострами и пытками; те, которые считают Его пристрастным и ревнивым, нетерпимы и мелочны в формах, так как приписывают Богу человеческие слабости.

25. Все учение Христово основано на понятии Его и Боге. Постигая Его правосудие, беспристрастие, благость и милосердие, Он мог поставить любовь к Богу и к ближнему непременным условием спасения и сказать: *«Любите Бога превыше всего и ближнего вашего как самих себя; в том весь закон и пророки; выше сих заповедей нет ничего»*. На одном только этом веровании Он мог основать принцип равенства людей перед Богом и всемирное братство их между собой. А можно ли было любить Бога Моисеева? Нет, Его можно было только бояться.

Это откровение истинных свойств Божества, соединенное с благовестием о бессмертии души и вечной жизни, глубоко изменяло отношения между людьми, возлагало на них новые обязанности и заставляло их иначе смотреть на земную жизнь; а это не могло не отразиться на нравах и общественных отношениях. Это, без сомнения, главнейший пункт в откровении Христовом, пункт, важность которого была очень мало оценена. К сожалению, надо сказать, что это пункт, от которого всего больше удалялись и который всего менее признавали в истолкованиях христианского учения.

26. Однако Христос прибавляет: «Многое из того, что Я говорю вам, вы еще не разумеете, и еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить; посему говорю вам притчами, но потом пошлю вам Утешителя, Духа истины, Который восстановит все и все объяснит вам» (Иоанн, гл. 14 и 16).

Если Иисус сказал не все, что мог бы сказать, то это потому, что Он счел нужным некоторые истины оставить в тени, пока люди будут в состоянии понять их. Стало быть, по Его мнению, Его учение было неполно, и Он обещал появление того, который дополнит все; Он предвидел, что слова Его будут плохо поняты, что люди отклонятся от Его учения, одним словом, разрушат то, что Им сделано; если все должно быть восстановлено, то значит, все будет разрушено. Восстановить можно только то, что разрушено.

27. Почему Он нового Мессию называет утешителем? Это знаменательное слово составляет целое откровение. Он предвидел, что людям нужно будет утешение, и подразумевал недостаточность того утешения, какое они найдут в своем понимании веры. Никогда, может быть, Христос не выражался более ясно и открыто, чем в этих последних словах, на которые немногие обратили внимание, может быть, потому, что они не были разъяснены, и пророческий смысл их намеренно не был достаточно истолкован.

28. Если Христос не мог вполне развить Свое учение, то причиною тому было отсутствие у людей достаточных познаний, которые они могли приобрести только со временем: многое при тогдашних понятиях показалось бы даже бессмыслицей. Дополнить же Его учение означает разъяснить и развить его, а не только добавить к нему новые истины, которые все уже находятся в нем в зародыше; недоставало только ключа к истинному пониманию Его слов.

29. Но кто смеет истолковывать Священное писание? Кто имеет это право? Кто обладает достаточными для того познаниями, если не богословы?

Кто имеет? Прежде всего, наука, ни у кого не спрашивающая позволения, чтобы открывать законы природы и уничтожать заблуждения и предрассудки. Кто имеет это право? В наш век умственной эмансипации и свободы совести всякий имеет это право, и Священное писание не составляет уже того кивота завета, к которому никто не смел прикасаться, чтобы не быть пораженным громом. Не отрицая необходимых специальных познаний, несомненно принадлежащих теологам, и признавая как средневековых богословов, так особенно отцов

церкви, мы должны, однако, заметить, что их просвещение было все же не вполне достаточно: они осуждали, как ересь, открытие вращения земли и существование антиподов и в не столь еще отдаленные времена проклинали учение о геологических периодах образования земли.

Люди могли толковать писания только на основании собственных познаний и тех неполных и неверных понятий, которые они имели о законах природы, только впоследствии объясненных наукой. Вот почему сами богословы могли вполне добросовестно ошибаться в толковании некоторых выражений и даже некоторых фактов в Евангелиях. Желая во что бы то ни стало найти подтверждение какой-нибудь предвзятой мысли, они вращались все в том же кругу, не покидая своей точки зрения, так что, наконец, видели только то, что хотели видеть. Хотя они и обладали глубокою ученостью, но все же не могли постичь причин, находившихся в зависимости от законов, им не известных.

Но кто может быть судьей разнообразных и часто противоречивых толкований, происходящих из источников не богословских? – Будущность, логика и здравый смысл. Род человеческий, все больше просвещаясь по мере накопления новых фактов и открытия новых законов, сумеет отделить утопические системы от действительности. Наука открывает одни законы, спиритизм – другие, и те и другие необходимы для разумения священных текстов всех религий, от Конфуция и Будды до христианства. А богословие не в состоянии достойно возражать науке, потому что оно нередко само себе противоречит.

30. Спиритизм, имеющий свою исходную точку в словах Самого Христа, как Христос имел Свою в Моисее, есть прямое следствие Его учения. К неопределенной мысли о будущей жизни он добавляет откровение о невидимом мире, окружающем нас и наполняющем пространство. Таким образом, он придает верованию определенность, устойчивость и реальность.

Он определяет связи, соединяющие душу и тело, и поднимает завесу, скрывавшую от людей тайны рождения и смерти.

Через спиритизм человек узнает, откуда он пришел, куда он идет, зачем он на земле и почему тут временно страдает и во всем видит правосудие Божие. Он знает, что душа непрерывно совершенствуется в целом ряде последовательных существований, пока не достигнет высшего состояния, приближающего ее к Божеству.

Он знает, что все души, имеющие вначале одинаковое происхождение, равны между собой. Они все созданы с одинаковой способностью к развитию в силу их свободной воли; все имеют одну и ту же сущность и различаются между собою только степенью достигнутого совершенства.

Они все имеют одно и то же назначение и достигнут общей цели более или менее быстро, соответственно их труду и доброй воле.

Он знает, что никто не может быть ни наделен привилегиями, ни обделен; Бог не освободил никого от работы над самосовершенствованием; также не существует тварей, обреченных на вечное зло и страдание; а те, которых называют демонами, только отсталые и несовершенные духи, делающие зло в состоянии духов, как делали его в образе человеческом; но они разовьются и усовершенствуются. Ангелы, или чистые духи, также не составляют особого рода существ в мироздании: это духи, достигшие цели в результате того, что прошли по пути прогресса. Итак, не существует многообразия творений, ни разнообразных категорий разумных существ, но весь мир исходит из великого закона единства, управляющего вселенной. Все существа стремятся к общей цели, совершенству, и ни одно из них не пользуется преимуществами на счет других: все сыны собственных дел.

31. Посредством общения, которое человек может установить с покинувшими землю духами, он получает не только реальное доказательство существования и индивидуальности души, но и понятие о солидарности, соединяющей живых и мертвых нашего мира и духов

нашего мира с духами других миров. Человеку известно их положение в мире духов, он следит за их переходами, за их радостями и горестями, знает, почему они счастливы или несчастны, и понимает, какая судьба ожидает его самого, в зависимости от добра или зла, сделанного им при жизни. Посредством этого общения он знакомится с будущей жизнью, которую наблюдает во всех ее фазисах, во всех перипетиях. Будущее для него уже не неопределенная надежда: это положительный факт, математическая достоверность. Смерть уже не страшна ему: он видит в ней избавление; дверь, ведущую в истинную жизнь.

32. Изучая состояние духов, человек узнает, что счастье и несчастье в жизни духовной зависит от степени совершенства или несовершенства духа; что всякий испытывает прямые и естественные последствия своих ошибок, иначе говоря, он наказывается тем, в чем погрешил, и эти последствия продолжаются до тех пор, пока существует производящая их причина. Грешник страдал бы вечно, если бы вечно пребывал во зле; но страдание прекращается при раскаянии и искуплении. А так как самосовершенствование каждого зависит от собственной его свободной воли, то он может продолжить или сократить свои страдания, подобно тому, как больной страдает от своих излишеств, пока не положит им предел.

33. Если разум отвергает, как несогласную с благодатью Божией, идею вечных, неотменимых и безусловных мучений, часто возлагаемых за один-единственный проступок, и о тех адских муках, которых не может смягчить самое пламенное и искреннее раскаяние, то он преклоняется перед истинным правосудием, беспристрастным, разборчивым, принимающим в соображение все обстоятельства и никогда не преграждающим путь к возврату, а протягивающим руку помощи погибающему, вместо того чтобы столкнуть его в пропасть.

34. Множественность существований, на которую Христос указывает в Евангелии, не определяя ее подробно, есть один из важнейших законов, открываемых спиритизмом, доказывающим его реальность и необходимость его для прогресса. Этим законом объясняются все кажущиеся аномалии в человеческой жизни, различия в общественном положении, неравенство умственных и нравственных способностей, преждевременные кончины, прерывающие существования, которые без возрождения остались бы бесполезными для души.

Все это объясняется предсуществованием духа, более или менее сведущего и совершенного, приносящего в свое новое воплощение все приобретенное им в прежних существованиях.

35. Придерживаясь прежней доктрины о создании души для каждого рождения, неизбежно должно вернуться к системе привилегированных творений: тут люди чужды один другому, ничто не соединяет их, и семейные узы между ними исключительно телесны. Они не могут быть солидарны в прошедшем, в котором не жили, а с понятием об уничтожении после смерти исчезает и всякая связь их с жизнью: они не солидарны и в будущем. Посредством же перевоплощения они солидарны в прошедшем и в будущем; отношения их продолжаются как в духовном, так и в телесном мире; братство их получает основание в самих законах природы, добро имеет цель, а зло свои неизбежные последствия.

36. Закон перевоплощения уничтожает родовые и кастовые предрассудки, потому что тот же дух может возродиться богачом или нищим, большим бариним или пролетарием, начальником или подчиненным, свободным или рабом, мужчиной или женщиной. Все аргументы, приводимые против угнетения и рабства или против подчинения женщины праву сильного, уступают в логичности одному материальному факту перевоплощения. Если же перевоплощение основывается на законе природы принцип всемирного братства, то оно на том же законе основывает и общественное равенство, следовательно, и свободу.

37. Отнимите у человека его свободный, независимый, переживающий материю дух, и останется органическая машина, лишенная цели и не несущая ответственности, видящая сдерживающую узду только в гражданском законе и пригодная к эксплуатации подобно интеллигентному животному, когда человек не ожидает ничего после смерти, то ничто не

может удержать его в стремлении к наслаждениям настоящей минуты, а если он страдает, то находит один только исход в отчаянии и одно убежище в самоуничтожении. Но с уверенностью в будущем, с надеждою увидеть тех, кого любит, страшась встречи с теми, кого оскорбил, все понятия его меняются. Если бы спиритизм только уничтожил сомнения в будущей жизни, то одним этим сделал бы больше для нравственного улучшения человечества, чем все дисциплинарные законы, иногда обуздывающие, но никогда не изменяющие людей.

38. Без предсуществования души учение о первородном грехе было бы несогласимо с правосудием Божиим, которое осуждало бы всех людей за грех одного; оно было бы даже лишено смысла и еще менее оправдывалось бы тем, что по этому учению души и не существовали в то время, к которому сводят их ответственность. Но, признав предсуществование души, мы находим, что человек, возрождаясь, приносит с собою зародыш своих несовершенств и тех недостатков, от которых не успел исправиться и которые выражаются в его врожденных инстинктах или в наклонности к тем или другим порокам. В этом и состоит его первородный грех, последствия которого он, естественно, и испытывает, но с той главной разницей, что он несет наказание за свой собственный грех, а не за грех другого. Есть еще и другое различие, утешительное, ободряющее и в высшей степени справедливое, а именно то, что каждое существование дает духу возможность загладить свои проступки искуплением их и совершенствоваться, исправляясь от своих недостатков или приобретая новые познания до тех пор, пока, достаточно очистившись, он не будет более нуждаться в материальной жизни и сделается способным жить исключительно жизнью духовной, бесконечной и блаженной.

По той же причине дух, усовершенствовавшийся нравственно, приносит в своем воплощении врожденные качества, подобно тому, как развившийся умственно приносит врожденные идеи. Он сроднился с добром, творит его без усилия, без расчета, как бы не думая о нем; тот же, кто вынужден побеждать свои дурные наклонности, находится еще в периоде борьбы. Первый уже победил, а второй только готовится победить. Итак, существуют врожденная добродетель и врожденное знание так же, как врожденный грех или, лучше сказать, врожденный порок.

39. Экспериментальный спиритизм изучил свойства духовных флюидов и их действие на материю. Он доказал существование *периспри́та*, подозреваемое еще в древности и названное Ап. Павлом *телом духовным*, то есть флюидической оболочкой души после разрушения осязаемого тела. В настоящее время известно, что эта оболочка нераздельна с душою; что это один из составных элементов человеческого существа. Это проводник для передачи мысли, который в продолжение телесной жизни служит связью между духом и телом. Периспри́т играет столь важную роль в организме и во многих болезнях, что одинаково тесно соприкасается как с физиологией, так и с психологией.

40. Изучение свойств периспри́та, духовных флюидов и физиологических атрибутов души открывают новые горизонты науке и дают ключ к уразумению многих явлений, до сих пор не объяснимых по незнанию управляющих ими законов; явления эти отрицаются материалистами, потому что примыкают к явлениям духовным, но признаются людьми другого образа мыслей, называющих их чудесами или колдовством, в зависимости от взглядов. Таковы, например: ясновидение, видение на расстоянии, естественный и искусственный сомнамбулизм, психические условия каталепсии и летаргии, предвидение, предчувствие, явление призраков, преображение, передача мысли, обаяние, мгновенные исцеления, одержимость, овладение и пр. Доказывая, что эти феномены основываются на законах столь же естественных, как явления электричества, и определяя нормальные условия, в которых они могут проявляться, спиритизм уничтожает все чудесное и сверхъестественное, этот источник большинства суеверий. Если он доказывает возможность явлений, которые мно-

гим кажутся фантастическими, то, с другой стороны, уничтожает вероятность многих других, объясняя их невозможность и нерациональность.

41. Спиритизм не только не отрицает Евангелия, но посредством открытия новых законов природы подтверждает, объясняет и развивает все, что говорил и делал Христос. Он вносит свет в темные места Его учения так, что многие, для кого некоторые части Евангелия казались непонятными и неприемлемыми, при помощи спиритизма без труда усваивают и принимают их. Они лучше видят их смысл и легче отделяют прямые поучения от аллегорий. Христос кажется им выше; в их глазах это уже не простой философ, а божественный Мессия.

42. Примем, кроме того, во внимание могущественную морализующую силу спиритизма, те цели, какие он ставит всей нашей жизнедеятельности, его осязательные указания на последствия добра и зла. Подумаем, какую он дает нравственную бодрость, силу и бесстрашие, сколько утешения в горестях, какое неизменное доверие к будущему; какую отраду в мысли, что дорогие нам существа находятся около нас, в уверенности, что мы увидимся с ними, в возможности сноситься с ними и, наконец, в убеждении, что все, что делаем, все, что приобретаем в знании и нравственности до последнего часа нашей жизни, не пропадет для нас, все послужит нашему совершенствованию. Все это ясно доказывает, что спиритизм исполняет все обетования Христа о возвешенном Утешителе. А так как Дух Истины руководит всем движением возрождения человечества, то исполняется пророчество о его пришествии: он и есть истинный Утешитель.³

43. Если ко всему этому прибавить невероятную быстроту распространения спиритизма, несмотря на все, что было сделано для его уничтожения, то нельзя не согласиться, что он явился по воле Провидения. Он побеждает все силы, все противодействия злой воли человеческой. Легкость, с которой он приобретает столь значительное количество последователей, без всякого принуждения, без каких-либо мер, кроме могущества идеи, доказывает, что он удовлетворяет потребности чему-нибудь верить после пустоты, созданной безверием, и что, следовательно, он пришел в свое время.

44. Плачущих и огорченных много, и неудивительно, что они принимают учение, ведущее к утешению, охотнее того, которое ведет к отчаянию. Спиритизм обращается главным образом к обездоленным, а не к торжествующим в этой жизни. Так болящий с большою радостью встречает врача, чем здоровый: несчастные – это болящие, а Утешитель – врач.

Итак, вы, восстающие против спиритизма и желающие, чтобы его оставили, давайте больше, чем он дает, если хотите, чтобы шли за вами, и вернее исцеляйте душевные раны. Давайте больше утешения, больше сердечного удовлетворения, более законные надежды, более твердую уверенность; покажите более рациональную и более увлекательную картину будущего. Но не надейтесь победить, вы, ожидающие уничтожения, или вы, обещающие адские муки или блаженное, но бесполезное созерцание во веки веков.

45. Первое откровение было олицетворено в Моисее, второе во Христе, а третье не соединено ни с какою индивидуальностью. Первые два были индивидуальны, а третье коллективно: это существенное отличие его имеет большое значение. Оно коллективно в том

---

³ Многие отцы семейств оплакивают преждевременную смерть детей, для воспитания которых они принесли большие жертвы: «И все напрасно», – говорят они. Познакомься со спиритизмом, они этого не скажут и не пожалуют о своих жертвах, а будут готовы приносить их даже с уверенностью в смерти своих детей. Они будут знать, что если это воспитание не пойдет на пользу их детям в настоящей жизни, то будет способствовать их прогрессу в жизни духовной и позднее, в новом существовании, поможет им совершенствоваться в познаниях. Так бывает с детьми, приносящими как бы врожденные идеи: они знают, не учась. Если родители лишены отрады видеть, что дети их пользуются данным им воспитанием, то могут быть уверены в том, что они воспользуются им впоследствии или в духовной, или в новой, земной жизни. Может быть, они вновь будут родителями тех же детей, столь счастливо одаренных природой и обязанных своими способностями полученному ранее воспитанию. Точно так же, если дети принимают дурное направление вследствие небрежности своих родителей, последние могут пострадать от них в новом воплощении (Евангелие в разъяснении спиритизма, гл. 5, п. 21. Преждевременные смерти).

смысле, что было дано не исключительно одному лицу и, следовательно, никто не может назваться его исключительным пророком. Оно одновременно было проявлено по всей земле, миллионам людей всех возрастов, всех состояний, от низших и до высших, по пророчеству, приведенному в книге Деяний Апостолов: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от духа Моего на всякую плоть; и будет пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения и старцы ваши сновидениями вразумлены будут (Деяния, 2:17, 18). Оно не приурочено ни к какому отдельному культу для того, чтобы некогда послужить для всех них связующим звеном.⁴

46. Первые два откровения были плодами личного учения и потому необходимо были связаны с местностью. Они были получены в одном пункте, и идея их распространялась постепенно; нужны были многие века, чтобы она достигла крайних пунктов земли, и то не завладев ею вполне. Третье имеет ту способность, что, не будучи олицетворенным в одной индивидуальности, оно одновременно проявилось в тысячах разных пунктов, сделавшихся центрами или очагами его распространения. Центры эти умножаются, лучи их мало-помалу соединяются, подобно кругам, образуемым множеством брошенных в воду камней, и таким образом они с течением времени покрывают всю поверхность земного шара.

Это – одна из причин быстрого распространения учения.

Если бы оно появилось в одном пункте или было исключительным произведением одного человека, оно образовало бы вокруг него секту, и прошло бы, может быть, полвека, пока бы оно достигло границ той страны, в которой родилось. Теперь же оно через десять лет имеет уже вехи от одного полюса до другого.

47. Это неслыханное в истории философских учений обстоятельство дает спиритизму исключительную силу и неодолимое могущество действия. В самом деле, если бы он был подавлен на одном пункте, в одной стране, то было бы физически невозможно подавить его во всех пунктах и во всех странах. Поставьте ему преграду в одном месте, он будет процветать рядом во многих местах. Более того, его можно поразить в человеке, но нельзя поразить его в духах, от которых он исходит. А так как духи везде и всегда будут везде, то если бы и уничтожить эти явления на всем земном шаре, то через некоторое время они появились бы снова, потому что они происходят от определенного закона природы, а законов природы уничтожить нельзя. В этом должны хорошенько убедиться те, которые мечтают об уничтожении спиритизма.

48. Однако эти разбросанные центры могли бы еще долго оставаться изолированными одни от других, особенно те, какие находятся в отдаленных странах. Им нужны были пути, соединяющие их с братьями по вере и сообщающие им то, что делается в других местах. В древности не нашлось бы таких путей, а теперь они находятся в изданиях, распространенных повсюду и излагающих в сжатой, методической форме поучения, даваемые в разных странах, в разных формах и на разных языках.

---

⁴ Наше личное участие в великом движении идей, подготовляемом спиритизмом и начинающем уже распространяться, состоит во внимательном наблюдении и тщательном изучении фактов для расследования их причин и вывода следствий. Мы сличали все показания, какие только могли собрать, сравнивали и комментировали все сообщения духов, полученные во всех странах земного шара, и затем все привели в методический порядок. Мы изучали и предложили публике плоды наших изысканий, придавая им значение только философского труда, выведенного из опыта и наблюдения. Мы никогда не выставяли себя главою учения и никому не навязывали наших идей. Публикуя их, мы воспользовались общим правом, и те, кто принял наши взгляды, сделали это вполне свободно. Если эти идеи нашли сочувственное отношение в обширных кругах общества, то это происходит оттого, что они удовлетворяют потребностям многих, и мы не можем гордиться этим, так как они не составляют нашего личного произведения. Заслуга же наша состоит только в постоянстве и преданности идее, которой мы посвятили свой труд. Во всем этом мы сделали то, что и другие могли бы сделать, и потому мы никогда не считали себя пророком или мессиею и не старались выставять себя таковыми.

49. Два первых откровения, происходя от непосредственного поучения словом учителя, его авторитетом, требовали безусловной веры со стороны людей, не способных еще самостоятельно разработать или развить ее.

Заметим, однако, между этими откровениями чувствительный оттенок, доказывающий прогресс нравов и понятий в среде одного и того же народа, которому они были даны с промежутком в восемнадцать веков. Учение Моисея абсолютно, деспотично, не допускает обсуждения и проводится во всем народе силою.

Откровение Иисуса Христа не повелевает, но, главным образом, советует, принимается добровольно в силу убеждения и оспаривается даже при жизни своего основателя, не пренебрегающего возражать своим противникам.

50. Третье откровение, пришедшее в эпоху умственной зрелости, когда развитые способности не могут помириться с пассивной ролью, когда человек не хочет ничего принимать со слепую верою, хочет видеть, куда его ведут, знать причину всякого утверждения, это откровение должно было одновременно, хотя оно и происходило от наставления, быть плодом труда и свободного исследования. *Духи открывают только то, что может направить человека на путь истины, но воздерживаются сообщать все, что человек может узнать сам*, предоставляя ему рассуждать, проверять, подвергать все критике собственного разума, а иногда даже приобретать опыт на собственный риск. Они дают принципы и материалы, а он может выводить из них следствия и прилагать их на практике.

51. Элементы спиритического откровения были даны одновременно на многих пунктах людям всех общественных положений и разных степеней развития; потому и наблюдения не везде могли быть одинаково плодотворны. Ясно, что выводы из фактов, исследования законов этого рода явлений и, наконец, общее из них заключение, обосновывающее весь образ мыслей, могли произойти только из всей совокупности явлений и соотношения фактов. Каждый же отдельный центр, замкнутый в узком кружке, видящий чаще всего одного только рода явления, иногда даже противоречивые, вообще имеющий дело с одной только категорией духов и, кроме того, опутанный местными влияниями и духом партий, находился бы в физической невозможности обнять общность явлений и свести отдельные наблюдения к одному основному закону. Каждый оценивал бы факты с точки зрения своих познаний и прежних верований или по личным взглядам проявляющихся ему духов, и вскоре оказалось бы столько теорий и систем, сколько центров, и между ними ни одной действительно полной по неимению материалов для сравнения и контроля. Словом, каждый замкнулся бы в своем частном откровении, считая его полной истиной и не подозревая, что в сотнях других пунктов получено большее и лучшее.

52. Надо заметить, что нигде спиритические наставления не были даны в полном объеме; они касаются столь многих наблюдений, столь разнообразных предметов, требующих либо специальных познаний, либо особых медиумических способностей, что было бы невозможно соединить в одном пункте все нужные условия. Наставление должно быть коллективным, а не индивидуальным, и духи разделили труд, распространив предметы изучения и наблюдения подобно тому, как на некоторых фабриках сооружение одного предмета разделяется по частям между многими работниками.

Таким образом, откровение совершалось частично, во многих местах и при помощи многочисленных посредников, и таким же образом оно продолжается до сих пор, так как не все еще открыто. Каждый центр находит в других центрах дополнение к тому, что сам получает, и общность, соотношение всех частных наставлений образуют общее спиритическое учение.

Нужно было группировать рассеянные факты, чтобы рассмотреть их соотношения, собирать документы и наставления, данные духами в разных пунктах и по разным вопросам, чтобы их сравнивать, их анализировать и изучить их сходство или различие. Сообщения

давались духами всех степеней, более или менее просвещенных, и нужно было разобрать, насколько здравый смысл позволяет оказывать им доверие. Нужно было различать индивидуальные, отдельные мнения от тех, которые получают санкцию общего учения духов, утопии от разных понятий; исключать те, которые явно опровергаются данными положительных наук и здравой логики, использовать даже заблуждения, сообщенные духами низшего порядка для уяснения состояния духовного мира, и из всего этого составить общее, однородное целое.

Одним словом, для такой разработки нужен был центр, свободный от всяких предвзятых идей, от всяких сектантских предрассудков, готовый признать очевидную истину, даже если бы она противоречила его личным мнениям, и такой центр образовался сам собой, силою вещей и без предвзятого намерения.⁵

53. Из такого положения вещей образовалось двойное течение идей; с одной стороны от окружности к центру, с другой – от центра к окружности. Таким образом, доктрина быстро пришла к единству, несмотря на разнообразие источников, из которых она истекала. Системы, уклоняющиеся от этого единства, мало-помалу пали вследствие своей обособленности и недостатка сочувствия, подавленные превосходством мнения большинства. С тех пор установилось общение мысли между частными центрами, говорящими на одном общем духовном языке, понимающем и сочувствующем друг другу, с одного края света до другого.

Спириты почувствовали себя сильнее, боролись с большим мужеством, шли более уверенным шагом, когда увидели себя не одинокими, почувствовали точку опоры, связь, соединяющую их в одну великую семью. Явления, которым они были свидетелями, уже не казались им странными, аномальными, противоречивыми, когда они могли связать их с общими законами гармонии, одним взглядом окинуть здание и в общем целом увидеть высокую гуманитарную цель.⁶ Но как узнать, везде ли проводится известный принцип и не составляет ли он индивидуального мнения? Отдельные группы не могут знать, что говорится в других

---

⁵ «Книга духов», первый труд, поставивший спиритизм на философскую почву и указавший моральные следствия фактов, приступивший к разработке всех отделов доктрины в важнейших, затрагиваемых ею вопросах, сделалась тотчас по появлении своем точкою соединения, к которой устремились отдельные индивидуальные труды. Несомненно, что с появления этой книги начинается эра философского спиритизма, до тех пор не выходившего из области любопытных опытов. Если эта книга приобрела сочувствие большинства, то это произошло потому, что она выражала чувства этого большинства и удовлетворяла его стремлениям; а также и потому, что всякий находил в ней подтверждение и логическое объяснение того, что он получал сам. Если бы эта книга не согласовалась с общим учением духов, то не внушила бы никакого доверия и была бы быстро забыта. А между тем она сделалась точкою соединения. Вокруг кого? Конечно, не человека, который сам по себе ничто, рабочая пружина, умирающая и исчезающая, но вокруг идеи, которая не может погибнуть, когда исходит из высшего, не человеческого источника. Такое самопроизвольное сосредоточение рассеянных сил дало повод к громадной переписке, единственной в своем роде картине истории современного спиритизма, в которой одновременно отражаются и частные труды, и сложные чувства, порожденные учением, и нравственные результаты самопожертвования и отступничества; это – драгоценные летописи для потомства, которое по ним будет судить о вещах и людях с подлинными документами в руках. С такими неопровержимыми свидетельствами все клеветы все ложные наветы зависти и ревности должны обратиться в ничто...

⁶ Многозначительное свидетельство, замечательное и трогательное, того общения мыслей, которое устанавливается между спиритами вследствие общности их верования, составляют просьбы о молитвах, доходящие до нас из самых отдаленных стран – от Перу до отдаленнейших границ Азии и от лиц различных национальностей и вероисповеданий, никогда нами не виданных. Не есть ли это предвестие готовящегося великого единения, доказательство того, как глубоко укореняется везде спиритизм? Замечательно, что из всех кружков, образовавшихся с целью произвести раскол, провозгласив отдельные мнения, а также и тех, которые сочли себя достаточно сильными, чтобы быть самостоятельными и не подчиняться общему закону, ни один не достиг того, чтобы провести жизнеспособную и преобладающую идею. Все они угасли или прозябают во тьме. И как могло бы быть иначе, когда они, вместо того, чтобы доставить наибольшее удовлетворение, старались отличиться, отвергая именно такие принципы учения, какие составляют главную его притягательную силу, главное утешение и ободрение для людей? Если бы они поняли могущество нравственных начал, образовавших это единство, они не поддались бы столь химерической иллюзии; но, приняв свой маленький кружок за целый мир, они сочли последователей общего учения за партию, которая легко могла быть побеждена другой партией. Это было странное заблуждение насчет характера самого учения, – заблуждение, могущее привести только к разочарованию: вместо того, чтобы уничтожить единство, они порвали ту связь, которая одна только могла дать им силу и жизнь.

местах, и потому нужен был центр, в котором бы собирались все наставления, и происходил, так сказать, счет голосов для приведения в известность мнения большинства.⁷

54. Не существует науки, которая бы вся целиком вышла из головы одного человека; все они, без исключения, продукт последовательных наблюдений, опирающихся на предшествующие наблюдения, как на известное для достижения неизвестного. Так поступают и духи по отношению к спиритизму; потому наставления их так последовательны. Они мало-помалу переходят от одного вопроса к другому, по мере того, как принципы, на которые они опираются, достаточно разработаны и умы достаточно зрелы для их усвоения. Замечательно, что когда частные центры хотели поднять вопрос преждевременный, то получали только противоречивые, ничего не разрешающие ответы. Но когда наступал благоприятный момент, то наставления обобщались и объединялись во всех центрах.

Однако между развитием спиритизма и наук существует значительная разница. Последние достигли пункта, на котором находятся, только после продолжительных перерывов, а спиритизм в несколько лет успел, если не достичь апогея, то собрать сумму наблюдений, достаточную для составления доктрины. Это происходит от бесчисленного множества духов, которые по воле Божией, проявлялись одновременно, принося с собою контингент своих познаний. Вследствие этого все части учения, вместо того чтобы постепенно разрабатываться в течение веков, были даны почти одновременно, в несколько лет, и оставалось только сгруппировать их, чтобы составить одно целое.

Так должно было быть по воле Божией для того, чтобы скорее увенчать здание и чтобы можно было немедленным и постоянным контролем сравнивать части универсального учения, каждый отдел которого получает ценность и *авторитет* только от соответствия с целым; все эти отделы должны гармонировать между собой, находить свое место в ряду остальных и являться каждый в свое время.

Поручив распространение этого учения не одному отдельному духу, Бог хотел, чтобы от малого до великого между духами, как и между людьми, всем было предоставлено положить свой камень в здание и таким образом установить между ними связь солидарного сотрудничества, которого недоставало в учениях, вышедших из одного источника.

С другой стороны, каждый дух, как и каждый человек, по ограниченности своих знаний, был не способен обсуждать совокупность бесчисленных вопросов, касающихся спиритизма. Вот почему для исполнения целей Провидения доктрина не могла быть делом одного духа или одного медиума. Она могла образоваться только из коллективности трудов, взаимно проверяющих друг друга.⁸

55. Последняя черта в характеристике спиритического откровения, вытекающая из многих условий, в которых оно проявляется, состоит в том, что, опираясь на факты, оно есть и не может быть иным, как существенно прогрессивным, подобно всем опытным наукам. По самой сущности своей оно вступает в союз с наукой, которая, излагая законы природы в пределах известной категории фактов, не может противоречить воле Бога, Творца этих законов. *Научные открытия прославляют Бога, а не уничтожают Его. Они уничтожают только то, что создали люди на основании ложных понятий своих о Боге.*

Итак, спиритизм ставит абсолютным принципом только то, что доказано с очевидностью или что логически вытекает из наблюдений. Касаясь всех разветвлений социальной экономики, которые он подкрепляет собственными открытиями, он всегда будет усваивать

---

⁷ Такова цель наших изданий, которые могут рассматриваться как результат подобного голосования. Все мнения в них обсуждаются, но вопросы излагаются в виде принципов только после того, как будут подвергнуты разностороннему контролю, который один только может дать им силу закона и позволить их утверждение. Вот почему мы не решаемся легкомысленно объявлять какую-нибудь теорию и тем доказываем, что доктрина, происходящая из общего наставления, не составляет продукта предвзятой системы: в том ее сила и залог ее будущности.

⁸ См «Евангелие в разъяснении спиритизма». Введение, VI.

себе все прогрессивные учения, к какому бы порядку они ни принадлежали, достигшие состояния *практических истин* и вышедшие из области утопий, иначе он сам себя уничтожит. Перестав быть тем, чем он должен быть, он изменит своему происхождению и своей провиденциальной, цели. *Спиритизм, подвигающийся с прогрессом, никогда ни может быть превзойден, потому что, если новые открытия докажут ему, что он в каком-нибудь пункте ошибается, он изменится в этом пункте; если откроется новая истина, он ее примет.*⁹

56. Какая польза в нравственных наставлениях духов, если их учение тождественно со всем известным учением Христа? Нужно ли человеку откровение и не может ли он в самом себе, в своей совести найти все, что ему необходимо для собственного руководства в жизни?

В нравственном отношении Бог, конечно, дал человеку руководителя в его совести, говорящей ему: «Не делай другому того, чего не желал бы для самого себя». Естественная мораль, несомненно, написана в сердце человеческом; но все ли умеют читать в нем? Не пренебрегают ли иногда его мудрыми советами? Что сделали люди из нравственного учения Христова? Как исполняют его даже те, кто его преподает? Не сделалось ли оно мертвой буквой, прекрасной теорией, прилагаемой к другим, но не к себе. Упрекнете ли вы отца, повторяющего десять, двенадцать или сто раз одни и те же наставления детям, если они их не слушают? Почему же Богу не сделать того, что делает отец? Почему Ему не посылать от времени до времени особых вестников, чтобы напомнить людям их обязанности, наводить их на путь, с которого они уклонились, открыть глаза закрывшим их, подобно тому, как просвещенные люди посылают миссионеров к диким и варварам?

Духи не проводят другой морали, кроме морали Христа, так как лучшей не существует. Но к чему же тогда их наставления, если они говорят только то, что мы уже знаем? То же самое можно было бы сказать и о морали Христа, изложенной почти в тех же выражениях за 500 лет до него Сократом и Платоном, а также и обо всех моралистах, повторяющих все то же самое на все лады и во всевозможных формах.

Так и духи являются просто умножить собою число моралистов, с той разницей, что, проявляясь везде, они учат как в хижине, так и во дворце, обращаются одинаково как к простым людям, так и к ученым.

Что наставление духов добавляет к христианской морали, это – знание законов, соединяющих живых и мертвых. Они пополняют неопределенные указания, какие дал Христос о душе, ее прошедшем и будущем и подтверждают их санкцией законов самой природы. Благодаря новому свету, вносимому спиритизмом и духами, делается понятною солидарность, соединяющая все существующее; братство и милосердие делаются социальной необходимостью, и человек исполняет по убеждению то, что прежде делал только по обязанности, и делает это лучше.

Когда люди будут действительно исполнять заповеди Христовы, тогда они вправе будут сказать, что они более не нуждаются ни в воплощенных, ни в бесплотных моралистах; но тогда Бог и перестанет их посылать.

57. Один из самых важных вопросов, поставленных в начале этой главы, следующий: какой авторитет может иметь спиритическое откровение, если оно исходит от существ, ограниченных в своем просвещении и не непогрешимых?

Это возражение было бы серьезно, если бы это откровение состояло исключительно из поучений духов, если бы мы получали его только от них и должны были бы принимать

---

⁹ Перед столь ясными и категорическими заявлениями, какие заключаются в этой главе, падают все обвинения в тенденции к абсолютизму и автократии принципов, все ложные уподобления людей предубежденных или недостаточно осведомленных. Впрочем, эти заявления не новы; мы достаточно повторяли их в наших сочинениях, чтобы не оставалось никаких сомнений на этот счет. Они указывают наше действительное и единственно желательное для нас положение в этом деле – положение работника.

его слепо. Но оно ничтожно, если человек содействует откровению собственным умом и суждением, когда духи наводят его только на путь выводов, которые он может заключить из наблюдения фактов.

Проявления же и их бесчисленные видоизменения не что иное, как факты: человек их изучает и отыскивает их законы. В этом труде ему помогают духи всех степеней: это его сотрудники в самом обычном смысле этого слова. Он подчиняет их слова контролю логики и здравого смысла и таким образом пользуется специальными знаниями, какими они обязаны своему положению, не отказываясь при том от собственного разума и суждения.

Духи не что иное, как души человеческие, и сообщаясь с ними, мы не выходим из человечества; это обстоятельство, достойное примечания. Великие, гениальные люди, бывшие светочи, вышли из мира духов и вновь возвратились в него, покинув землю. Если духи могут сообщаться с людьми, то эти же самые гении могут наставлять людей, находясь в духовном состоянии, как делали это в телесном. Они могут учить нас после своей смерти, как учили при жизни: вся разница в том, что они невидимы, когда прежде были видимы. Их опытность и знания не стали меньше, и если их слово имело авторитет, когда они были людьми, то оно не может иметь его меньше после того, как они перешли в мир духов.

58. Но с нами сообщаются не одни только высшие духи, а также духи всех степеней. Это необходимо, чтобы дать нам понятие об истинном состоянии духовного мира, показывая его нам во всех его видах. Этим путем отношения между видимым миром и невидимым делаются ближе, связь их очевиднее. Мы яснее видим, откуда мы пришли и куда идем; в этом и состоит главная цель проявлений. Все духи, какой бы степени они ни достигли, могут чему-нибудь научить нас; но так как они просвещены более или менее совершенно, то наше дело различать, что в них хорошего или дурного, и извлекать ту пользу, какую может доставить их наставление. Однако все, каковы бы они не были, могут сообщить нам что-либо, нам не известное и чего бы мы без них не узнали.

59. Великие воплощенные духи, без сомнения, могучие индивидуальности, но действие их ограничено и по необходимости распространяется медленно. Если бы один из них, хотя бы даже Илия или Моисей, Сократ или Платон пришел в наше время открыть людям состояние духовного мира, кто в нашу скептическую эпоху мог бы доказать истину его утверждений? Его сочли бы мечтателем или утопистом. Даже если бы он сказал абсолютную правду, все же прошли века, прежде чем его идеи распространились и были бы приняты массами. Но Бог в мудрости Своей не хотел этого: Он хотел, чтобы откровение было дано не воплощенными, а *самими духами*, чтобы убедить в их существовании и проявить откровение одновременно по всей земле, отчасти для того, чтобы оно распространилось быстрее, отчасти же чтобы в совпадении наставлений дать доказательство истины; так каждый получал возможность убеждаться собственным опытом.

60. Духи не избавляют человека от труда изучения и исследования; они не приносят ему никакой готовой науки и предоставляют его собственным силам во всем, что он может открыть сам. Спириты знают это теперь очень хорошо. Заблуждение, приписывающее духам высшее знание и полную мудрость, давно опровергнуто, так же как и предположение, что достаточно обратиться к одному из них, чтобы узнать все. Выходя из человечества, духи сохраняют его свойства; между ними, как и на земле, есть высшие, есть простые; многие из них имеют меньше научных и философских знаний, чем некоторые люди; они и говорят, что знают не больше и не меньше; как и среди людей наиболее развитые могут дать нам более обширные сведения и более разумные советы, чем отсталые. *Спрашивать совета у духов значит обращаться не к сверхъестественным силам, а к себе подобным, к тем самым, к кому мы обратились бы при их жизни, т. е. к родным, друзьям или людям, более сведущим, чем мы сами.* В этом нужно убедиться, и этого не знают те, кто не изучал спиритизма или кто составил себе неверное понятие о мире духов и о загробных отношениях.

61. Какая же польза в этих сообщениях или в этих откровениях, если духи знают не больше нашего или не говорят нам всего, что знают?

Во-первых, как мы уже говорили, они воздерживаются сообщать то, чего мы можем достичь сами; во-вторых, есть вещи, которые им не позволено открывать, потому что это не соответствует степени нашего развития. Но, кроме того, условия их нового существования расширяют круг их понятий: они видят то, чего не видели на земле. Освободившись от пут материальности, избавившись от забот телесной жизни, они смотрят на вещи с более высокой точки зрения и, стало быть, более здраво; их проницательность обнимает более обширный горизонт; они понимают свои прежние заблуждения, исправляют свои понятия и избавляются от человеческих предрассудков.

В этом и состоит превосходство духов над воплощенным человечеством, и потому их советы могут быть, смотря, конечно, по их развитию, более разумны и более бескорыстны, чем мнения людей, облеченных телом. К тому же среда, в которой они находятся, позволяет им посвящать нас в условия будущей жизни, которые нам неизвестны и которых мы не можем узнать отсюда. До сего дня люди составляли только предположения, гипотезы насчет своей будущности; потому и верования их на этот счет разделялись на столь многие и столь разноречивые системы, начиная с веры в уничтожение, до фантастических представлений об аде и рае. А теперь являются свидетели, очевидцы и действующие лица этой загробной жизни и говорят нам, в чем дело: *они одни только могут сказать нам это*. Эти явления послужили к тому, чтобы мы узнали окружающий нас невидимый мир, о существовании которого мы не подозревали, и это знание имело бы громадное значение, даже если бы духи были не способны сообщать нам ничего более.

Если вы приезжаете в новую для вас страну, откажется ли вы обратиться за справками к самому скромному встречному простолюдину? Откажется ли расспросить его о дороге только потому, что он простолудин? Вы, конечно, не будете ожидать от него особенно высоких разъяснений; но, каков он есть, в своей сфере и по некоторым пунктам он может дать вам указания лучше какого-нибудь ученого, не знающего местности. Вы можете из его указаний сделать выводы, каких он сам бы не сделал; тем не менее, он послужил вам как полезное орудие для ваших наблюдений, хотя бы только познакомив вас с обычаями своего народа. Так и в наших сношениях с духами: самый малый из них может научить нас хоть чему-нибудь.

62. Простое сравнение еще лучше объяснит это положение:

Корабль, перевозящий эмигрантов, отправляется в далекое плавание; он увозит людей всех состояний, родных и друзей остающихся. Потом узнают, что корабль этот погиб и от него и следа не осталось, по крайней мере, не получают о его судьбе никаких известий. Все думают, что путники погибли и семьи их горюют. Однако весь экипаж того судна, не исключая ни одного человека, пристал к неизвестной обильной и плодородной стране, где все живут счастливо под ясным небом; но это никому неизвестно. И вот однажды другой корабль пристаёт к этой земле и находит всех здоровыми и невредимыми. Счастливая весть распространяется с быстротою молнии. Все говорят: «Друзья наши не погибли», и благодарят Бога. Они не могут видаться, но сообщаются, обмениваются выражениями любви и привязанности, и печаль заменяется радостью.

Такова картина земной жизни и жизни загробной до и после современного откровения. Это откровение, подобно второму кораблю, приносит нам благую весть о спасении тех, кто нам дорог, и уверенность, что со временем мы соединимся с ними. Не существует более сомнения насчет их судьбы, а также и нашей, и уныние исчезает перед надеждой.

Однако это откровение пополняется еще новыми результатами. Бог, считая человечество достаточно зрелым, чтобы проникнуть в тайну своей судьбы и хладнокровно созерцать новые чудеса, дозволил, чтобы завеса, отделяющая видимый мир от невидимого, была поднята. Факты проявлений не заключают ничего сверхчеловеческого: духовное человечество

является беседовать с человечеством телесным и говорит ему: «Мы существуем и, стало быть, уничтожения нет; вот что мы такое и чем вы будете также; будущее принадлежит вам так же, как и нам. Вы ходили во тьме, и мы приходим осветить ваш путь и проложить вам дорогу; вы шли наудачу, а мы показываем вам цель. Земная жизнь для вас все, потому что вы дальше ее ничего не видите; а мы вам говорим, указывая на духовную жизнь: земная жизнь ничто. Зрение ваше останавливалось у могилы: мы вам показываем далее великолепный горизонт. Вы не знали, почему вы страдаете на земле, а теперь вы в страдании своем видите правосудие Божие. Добро не приносило до сих пор явных плодов для будущности; отныне оно будет иметь цель и сделается необходимостью. Братство было только прекрасной теорией, а теперь оно основывается на законе природы. При веровании, что все кончается с жизнью, бесконечность остается пустой, эгоизм царит между вами и ваш девиз: „Каждый за себя“. А с уверенностью в будущем бесконечные пространства населяются, пустоты и одиночества нет нигде, и солидарность соединяет всех до и после могилы. Это царство милосердия, провозглашающего: „Каждый за всех и все за каждого“. Наконец, на пороге жизни вы говорили вечное „прости“ тем; кто вам дорог; теперь вы им скажете: „До свидания“.

Так можно резюмировать результаты нового откровения: оно явилось заполнить пустоту, созданную неверием, ободрить тех, кто подавлен сомнением или ожиданием уничтожения, и дать всему разумное объяснение. Неужели такой результат неудовлетворителен, хотя духи не разрешают научных вопросов, невеждам не внушают знания, а лентяям не дают средства к быстрому обогащению? Однако же человек может воспользоваться плодами этого откровения не только в будущей жизни, но и в настоящей, земной. Новые верования неизбежно должны преобразовать его характер, вкусы, наклонности, а, следовательно, привычки и социальные отношения. Полагая конец царству эгоизма, гордости и неверия, они готовят царство добра, т. е. Царство Божие, возведенное Христом.

Глава 2. Бог

Существование Бога

1. Бог есть первопричина всего, точка отправления и основание, на котором покоится все мироздание, и потому это главный пункт, который следует рассмотреть прежде всего.

2. О причине можно судить по ее действию, даже не видя этой причины: это элементарный принцип.

Если птица, проносящаяся по воздуху, поражается смертоносным зарядом, то можно судить, что она пала от руки ловкого стрелка, хотя бы этот стрелок и оставался невидим. Стало быть, не всегда нужно видеть вещь, чтобы знать о ее существовании. Вообще посредством наблюдения действий можно во всем дойти и до познания их причин.

3. Другой, столь же элементарный принцип, по своей очевидности сделавшийся аксиомой, состоит в том, что всякое разумное действие имеет разумную причину.

Если бы спросили, кто строитель какого-нибудь остроумного механизма, то что подумали бы, получив в ответ, что этот механизм построился сам собою? Когда видят образцовое произведение искусства или промышленности, говорят, что это творение гениального человека, потому что только высокий ум может породить подобный замысел. Тем не менее, не сомневаются в том, что это совершил человек, так как это не превосходит человеческих способностей; но никому не придет в голову сказать, что подобное произведение могло быть делом идиота или невежды и еще того менее – трудом животного или результатом простого случая.

4. Присутствие человека узнается везде по его произведениям. Так, существование допотопных людей доказывается не только их окаменелыми скелетами, но с еще большей достоверностью присутствием в земных формациях той эпохи предметов, сделанных человеком: обломок сосуда, обточенный камень, оружие или остаток кирпича достаточны для доказательства существования человека. А по грубости или относительному совершенству работы судят о разумности и степени развития тех, кто ее произвел. Если, находясь в стране, населенной исключительно дикарями, вы находите статую, достойную Фидия, то вы, нисколько не колеблясь, можете утверждать, что это должно быть произведение высшего ума, так как дикари были бы неспособны создать что-либо подобное.

5. Итак, бросая взгляд на все окружающее, наблюдая чудеса природы, предусмотрительность, мудрость и гармонию, проявляющуюся во всем создании, мы должны признать, что все это происходит от силы самого высокого человеческого разума. Если же человек неспособен был сотворить ничего подобного, то это должно быть созданием разума сверхчеловеческого. Иначе нам останется сказать, что это есть следствие без причины.

6. На это иногда приводится следующее возражение. Так называемые произведения природы не что иное, как продукты физических сил, действующих механически по законам притяжения и отталкивания: молекулы инертных тел притягиваются и отталкиваются, следуя этим законам. Растения зарождаются, прозябают, растут и размножаются одним и тем же способом, каждые в своем виде и в силу тех же законов. Каждая особь подобна той, от которой произошла; рост, цветение, оплодотворение и окраска подчинены физическим силам, какова теплота, электричество, свет, влажность и пр. То же происходит и с животными. Небесные тела образуются вследствие молекулярного притяжения и движутся непрерывно по своим орбитам, подчиняясь силе тяготения. Такая механическая регулярность в приложении сил природы не указывает на свободный разум. Человек двигает рукой, когда хочет и как хочет, а тот, кто двигал бы ею все в одном направлении, начиная с рождения

и до смерти, был бы автоматом. Потому и организующие силы могут быть названы чисто автоматическими.

Все это правда; но эти силы составляют следствия, которые должны иметь причину, и никто не утверждает, что в них заключается Божество. Они материальны и механичны, сами по себе неразумны: это также правда. Но они приводятся в действие, распределяются, приравниваются к различным потребностям разумом, не относящихся к человечеству. Целеобразное же приложение этих сил есть разумное действие, обнаруживающее разумную причину. Часовой механизм действует с автоматической правильностью, и эта правильность составляет все его достоинство. Сила,двигающая его, совершенно материальна и нисколько не разумна. Но каков был бы этот механизм, если бы высший разум не рассчитал, не соизмерил, не распределил силу, чтобы придать ему нужную точность? Из того, что этого разума нет в механизме часов и что его не видно, можно ли заключить, что его не существует вовсе? Он проявляется тут в своем действии.

Существование часов доказывает существование часовщика, а совершенство механизма свидетельствует о мудрости и знаниях его. Когда часы с точностью дают необходимые указания, приходит ли кому-нибудь в голову сказать: вот умные часы! Так и с механизмом вселенной: Бог не показывается, но о Нем свидетельствуют дела Его.

7. Итак, существование Бога есть факт, доказанный не только откровением, но очевидностью материальных фактов. Дикие племена не имели откровения, однако они инстинктивно верили в существование высшего могущества; они видели вещи, превосходящие силы человеческие, и заключали из этого, что они происходят от существа более высокого и могущественного, чем человек. Не логичнее ли они тех, кто утверждает, что все создано само собою?

Природа Божия

8. Человеку не дано постичь внутреннюю природу Бога. *Чтобы понимать Бога, нам недостает того чувства, которое достигается только полным очищением духа.* Но если человек не может проникнуть в сущность Божию, то все-таки, признав Его существование и рассуждая на основании этих данных, он может дойти до познания свойств, необходимо ему присущих. Видя, чем Бог не может быть, не перестав быть Богом, можно дойти до того, чем Он должен быть.

Не познав свойств Божиих, невозможно понять дела мироздания. Это – основной пункт всех религиозных верований и, не руководясь им, как маяком, для определения верного направления, большинство религий заблуждаются в своих догматах. Те, которые не приписывали Богу всемогущества, воображали многих богов; те, которые не считали Его всеблагим, видели в нем ревность, гнев, пристрастие и мстительность.

9. *Бог – это высший разум и совершенная мудрость.* Человеческий разум ограничен, так как не может ни творить, ни понимать все, что существует. Премудрость же Божия, обнимающая бесконечность, должна быть бесконечна. Если бы предположить, что она хоть в чем-нибудь ограничена, то можно бы себе представить существо более мудрое, способное постичь и сотворить то, что Бог бы не сотворил, и так далее до бесконечности.

10. *Бог – вечен*, т. е. не имел начала и не будет иметь конца. Если бы Он имел начало, то вышел бы из небытия, а небытие – это ничто и, следовательно, не может произвести ничего; или Он был бы создан другим, предыдущим существом, и тогда то существо и было бы Богом. Если бы у Него было начало и будет конец, то можно вообразить существо, жившее ранее или могущее жить далее Его и т. д. до бесконечности.

11. *Бог – неизменен.* Если бы Бог мог изменяться, то законы, управляющие вселенною, не имели бы никакого постоянства.

12. *Бог нематериален*, т. е. природа его отлична от всего, что мы называем материей; иначе Он не был бы неизменен и подвергался бы превращениям, свойственным материи.

Бог не имеет осязательной для наших чувств формы, иначе Он был бы материален. Мы говорим: рука Божия, глаз Божий, уста Божии потому, что человек, зная только себя, с собою сравнивает все, что ему непонятно. Картины, на которых изображают Бога в виде старца с длинной бородой, покрытого мантией, – смешны. Они унижают верховное существо до ничтожных человеческих размеров, и тут уже недалеко до присвоения ему страстей человеческих, вроде гнева или ревности.

13. *Бог – всемогущ.* Если бы Он не обладал наивысшим могуществом, то можно было бы вообразить существо более могущественное и, идя дальше, дойти до существа, которое бы уж никем не могло быть превзойдено в могуществе: оно-то и было бы Богом.

14. *Бог в высшей степени благ и справедлив.* Премудрость Божественных законов выражается как в самых малых, так и в самых великих вещах, и премудрость эта не позволяет сомневаться в справедливости и благодати Божией.

Бесконечность какого-нибудь качества уничтожает возможность существования противоположного свойства, уменьшающего или уничтожающего первое. Существо бесконечно доброе не может иметь в себе ни малейшей злобы, а бесконечно злое не может иметь ни крупины доброты; так, предмет безусловно черный не может иметь ни малейшего оттенка белого, а безусловно белый – ни малейшего пятнышка черного.

Поэтому Бог не может быть одновременно добрым и злым, потому что Он в таком случае не обладал бы высшей степенью ни того, ни другого свойства и, стало быть, не был бы Богом. Тогда все зависело бы от произвола и ни в чем не было бы устойчивости. Бог должен непременно быть или бесконечно добрым или бесконечно злым, а так как дела Его

свидетельствуют о Его мудрости, благодати и попечении, то нужно заключить, что, не изменяя Себе и не переставая быть Богом, Он не может одновременно быть и добрым и злым и, следовательно, Он бесконечно благ.

Высшая степень доброты заключает в себе и высшую справедливость. Так, если бы Бог поступил несправедливо или пристрастно, хоть в одном случае, относительно одного какого-нибудь Своего создания, то Он не был бы бесконечно справедлив и, следовательно, не бесконечно благ.

15. *Бог есть бесконечное совершенство.* Невозможно представить себе Бога не бесконечно совершенным. Без этого Он не был бы Богом, и всегда можно было бы вообразить существо, обладающее тем, чего бы Ему не доставало. Чтобы не быть никем превзойденным, Он должен быть во всем бесконечен.

Качества Божии, будучи бесконечны, не могут быть ни увеличены, ни уменьшены; без этого они не были бы бесконечны, и Бог не был бы совершенен. Если бы отнять малейшую крупинку совершенств Божиих, то не было бы больше Бога, потому что могло бы существовать что-либо более совершенное.

16. *Бог – един.* Бог един вследствие бесконечности Своих совершенств. Другой Бог мог бы существовать только при условии быть столь же бесконечным во всем. В случае малейшей между ними разницы один из них был бы ниже другого, подчинен его могуществу и, следовательно, не был бы Богом. А если бы между ними было полное равенство, то это была бы в течение вечности одна и та же мысль, та же воля, та же могущество; одним словом, сливаясь в своей однородности, они в действительности составили бы одного единого Бога. Если бы каждый из них имел свои специальные, обособленные задачи, то один делал бы то, чего другой не делал, и тогда между ними не могло бы быть полного равенства и ни один не имел бы верховной власти.

17. Незнание принципа бесконечности совершенств Божиих породило политеизм, свойственный всем первобытным народам. Они приписывали божественность всякой силе, которая казалась им превосходящей человеческую. Позднее рассудок довел их до соединения этих отдельных сил в одну и, по мере того, как они постигали сущность божественных свойств, они исключали из своих символов все верования, отрицавшие эти совершенства.

18. Вообще говоря, Бог может быть Богом только при том условии, чтобы никакое существо не превосходило Его ни в чем, так как существо, превосходящее Бога хоть на волос в каком бы то ни было отношении, было бы в действительности истинным Богом. Бог, чтобы быть Богом, должен быть бесконечен во всем.

Итак, установив существование Божье на основания Его дел, мы посредством простого логического вывода доходим до определения отличающих Его свойств.

19. Следовательно, *Бог есть высшая верховная мудрость; Он един, вечен, неизменен, бестелесен, всемогущ, бесконечно благ и справедлив, бесконечен во всех своих совершенствах* и не может быть иным.

Такова основа, на которой покоится все мироздание; это – маяк, лучи которого распространяются на всю вселенную, и одни только могут руководить человеком в искании истины. Пользуясь ими, он никогда не заблудится, а если так часто уже заблуждался раньше, то потому только, что не следовал по указанному ему направлению.

Таков также и непогрешимый критерий всех философских и религиозных учений. Чтобы судить о них – человек находит строго определенную меру в атрибутах Божиих и с достоверностью может утверждать, что: *всякая теория, всякий принцип, всякий догмат, всякое верование или обрядность, находящиеся в противоречии с одним из означенных атрибутов и стремящиеся не то что уничтожить, а хотя бы только ослабить его, не могут быть истинны.*

В философии, психологии, морали или религии истинно только то, что ни на йоту не удаляется от существенных атрибутов Божиих. Совершенной религией была бы та, ни один догмат которой не находился бы в противоречии с этими свойствами, та, которая во всех частях своих могла бы выдержать испытание такого контроля, не потерпев от того ущерба.

Провидение

20. Провидением называется попечение Божие о всяком Его создании. Бог находится везде, видит все, руководит всем, не исключая даже мелочей: в этом и заключается действие Провидения.

«Как может Бог, столь великий, столь могущественный, превосходящий все и всех, входить во все мельчайшие подробности и заниматься малейшими поступками или мыслями каждого отдельного человека?» Такой вопрос ставит себе неверующий и заключает, что, признав существование Бога, надо предположить, что Его действие распространяется только на общие законы вселенной. Он думает, что мир живет от века под действием этих законов, которым подчинено всякое творение в сфере своей деятельности, и что для этого не нужно непрерывного вмешательства Провидения.

21. В настоящем своем низком состоянии человеку трудно постичь бесконечность Бога. Люди сами конечны и ограничены, потому и Бога считают таким же. Они Его представляют себе существом предельным, как они сами, и по своему образу составляют себе Его образ. Этому немало способствуют картины, изображающие Его под видом человека и поддерживающие это заблуждение в умах толпы, поклоняющейся форме больше, чем идее. Для большинства это – могущественный Царь, восседающий на недоступном престоле в беспредельности небес; люди, по ограниченности своих способностей и представлений, не понимают, чтобы Он мог или снисходил непосредственно вмешиваться в мелкие дела и обстоятельства.

22. Находясь в невозможности постичь сущность Божества, человеку остается только составить себе приблизительное понятие о Нем посредством сравнений, весьма, конечно, несовершенных, но показывающих ему возможность того, что с первого взгляда кажется ему невозможным.

Предположим флюид настолько тонкий, что проникает все тела, но неразумный и действующий механически посредством одних физических сил. Но если мы представим себе флюид разумный, одаренный способностью мыслить и чувствовать, он будет действовать уже не слепо, а сознательно, по собственной воле и на полной свободе: он будет видеть, слышать и чувствовать.

23. Свойства периспиритного флюида могут дать нам некоторое понятие об этом. Этот флюид сам по себе неразумен, потому что он материален; но он носитель мысли, чувств и представлений духа.

Периспиритный флюид – это не мысль духа, но агент и посредник, передающий эту мысль, а так как он переносит ее, то он ею, так сказать, насыщен, и нам кажется, по невозможности их разделить, что мысль и ее носитель-флюид составляют одно, подобно звуку, сливающемуся с передающим его воздухом. Таким образом, мы можем, в некотором смысле, материализовать мысль. Подобно тому, как мы говорим о звуковых волнах воздуха, мы можем сказать и то, что флюид делается разумным.

24. Так ли это или нет, т. е. действует ли божественная мысль непосредственно или через флюид, но для облегчения нашего понимания представим себе ее в конкретной форме разумного флюида, наполняющего всю беспредельность мира и проникающего все части вселенной: *вся природа погружена в божественный флюид*. На основании же принципа, что все части одного целого однородны с этим целым и имеют однородные с ним свойства, каждый атом этого флюида, если можно так выразиться, обладает мыслью, т. е. существенным атрибутом Божества, а так как этот флюид распространен повсюду, то все подвергается его разумному воздействию, его предусмотрительности и его попечению; нет ни одного создания, как бы ничтожно оно ни было, которое не было бы проникнуто им. Таким образом, мы

постоянно находимся в присутствии Бога, не можем скрыть от Его взгляда ни одного нашего поступка; мысль наша в постоянном соприкосновении с Его мыслью, и выражение, что Бог читает в самых глубоких изгибах сердца нашего, совершенно верно. *Мы в Нем, как и Он в нас*, по выражению Иисуса Христа.

Таким образом, чтобы распространять Свое попечение на все Свои творения, Богу нет надобности взирать на них с высоты безграничного пространства, а молитвам нашим, чтобы быть услышанными Им, не нужно произноситься громогласно и пролетать беспредельные расстояния: Бог всегда с нами и около нас, и мысли наши отражаются в Нем. Мысли наши подобны звукам колокола, колеблющим все частицы окружающего воздуха.

25. Мы далеки от мысли материализовать Божество. Образ разумного флюида очевидно только сравнение, но оно способно дать более верное понятие о Боге, чем картины, изображающие Его в человеческом образе; оно имеет целью объяснить возможность для Бога быть вездесущим и пешись обо всем.

26. У нас непрестанно перед глазами один пример, указывающий, каким образом действие Бога может распространяться на самые сокровенные части существ и каким способом самые мимолетные впечатления нашей души достигают Его. Этот пример взят из сообщения, данного по этому предмету одним духом.

27. «Человек есть микрокосм, руководитель которого дух, а руководимое – тело. В этом малом мире тело изображает творение, Богом которого будет дух. (Вы понимаете, что тут может быть только аналогия, но никак не единство.) Члены этого тела, – различные составляющие его органы, – мускулы, нервы, сочленения – это, так сказать, отдельные физические индивидуальности, помещенные в определенные части тела; хотя количество этих разнообразных и столь различных органов и очень велико, но всякому, без сомнения, ясно, что не может произойти движения или получиться впечатления в какой бы то ни было части тела без того, чтобы дух не сознавал их. Происходят ли чувственные восприятия одновременно в нескольких частях – дух их сознает все, различает их, анализирует и определяет причину и место действия каждого из них при посредстве своего периспиритного флюида.

Подобный же феномен мы замечаем между Богом и творением. Бог находится везде в природе, как и дух в теле; все части творения пребывают в непрестанном общении с Ним, подобно тому, как все клетки организма непосредственно сообщаются с духовным существом. Нет причины, чтобы явления одного порядка не происходили одинаковым образом в том и другом случае. Один из членов тела движется – и дух сознает это; одно существо мыслит – и Бог знает это. Все части тела приведены в движение, различные органы реагируют – дух чувствует каждое проявление, различает и анализирует каждое из них. Различные творения, различные существа движутся, мыслят, действуют – и Бог знает все, что происходит, распределяет каждому, что к нему относится.

Из этого можно заключить также о солидарности материи и духа, о солидарности всех существ одного мира между собою, о солидарности всех миров и, наконец, о солидарности творения с Творцом». (Парижское Общество, 1867 г.)

28. Мы постигаем явление, – а это уже много; от явления мы восходим к его причине и судим о ее величии по величию явления. Но ее внутренняя сущность остается нам непонятной, подобно причинам многих других феноменов. Нам известны явления электричества, теплоты, света и тяготения; мы можем даже учитывать их напряженность, но внутренняя сущность производящей их причины ускользает от нас. Будет ли рациональнее отрицать Божество потому, что мы его не понимаем?

29. Ничто не мешает нам предположить, что сущность Верховного Разума имеет центр действия, главный очаг, непрестанно излучающий и затопляющий вселенную своим светом, подобно солнцу. Но где этот очаг? Этого никто не может сказать. Возможно, что он и не имеет определенного пункта, а подобно своему действию, непрестанно перемещается в без-

граничном пространстве. Если простые духи обладают способностью вездесущности, то у Бога это свойство должно быть беспредельно. Если Бог наполняет мир, то можно, в виде гипотезы, предположить, что этот очаг не перемещается, а образуется везде, где только высшая воля пожелает проявиться. Тогда можно бы сказать, что Бог везде и нигде.

30. Перед этими неисповедимыми тайнами разум наш должен смириться. Бог существует, и в этом мы не можем сомневаться; Он бесконечно благ и справедлив: это Его сущность; попечение Его распространяется на все: это мы понимаем. Стало быть, Он может желать нам только добра, и потому мы должны довериться Ему: это главное. Что же касается остального, то подождем, пока будем достойны Его понимания.

Лицезрение Бога

31. Если Бог везде, то почему мы Его не видим? Увидим ли Его, когда покинем землю? Вот вопросы, которые ставятся ежедневно.

Первый разрешить нетрудно: наши материальные органы ограничены в своих ощущениях и не способны воспринимать впечатления от многих предметов, даже материальных. Так, некоторые флюиды совершенно ускользают от нашего взора и от наших физических инструментов; однако, мы не сомневаемся в их существовании. Мы видим действие чумы, но не видим переносящего ее флюида; мы видим движение тел под влиянием силы тяготения, но эту силу мы не видим.

32. Предметы духовные не могут быть восприняты материальными органами; только духовным зрением можем мы видеть духов и другие предметы духовного мира, и только душа наша может иметь познание о Боге. Видит ли она его тотчас после смерти? Это мы можем узнать только из загробных сообщений. Из них мы знаем, что лицезрение Божие доступно только самым чистым душам, и потому только немногие из них, покидая свою земную оболочку, бывают достаточно очищены от материи, чтобы получить эту способность. Простое сравнение объяснит это.

33. Тот, кто находится в глубине долины, среди густого тумана, не видит солнца, но, замечая его рассеянный свет, судит о его присутствии. Если он начнет подниматься по горе, то, по мере подъема, увидит, что туман рассеивается, свет делается ярче, но солнца еще не видно. И только вполне поднявшись над слоем испарений, вступив в сферу совершенно чистого воздуха, он увидит солнце во всем блеске его сияния.

Так и с душою. Перисpritная оболочка, для нас невидимая и неосязаемая, составляет для души настоящую материю и слишком еще грубую для многих ощущений. Эта оболочка одухотворяется по мере того, как душа возвышается нравственно. А несовершенства подобны туманам, затемняющим зрение души; каждый же недостаток, от которого она исправляется, есть смытое и уничтоженное пятно; но только после совершенного очищения душа пользуется всею полнотою своих способностей.

34. Бог по всей божественной сущности Своей, во всем блеске Своем может быть видим только духами, достигшими высшей степени освобождения от материи. А если несовершенные духи Его не видят, то не потому, что они были дальше от Него, чем другие – они, как и вся природа, все существа погружены в божественный флюид, как и мы в океан света, – но их несовершенства, как густой туман, скрывают Его от их взоров. Когда туман этот рассеется, они увидят сияние Его во всем блеске, и для этого им не нужно будет ни подниматься, ни переноситься в глубины пространства. Духовное зрение их освободится от затемняющих его нравственных покровов, и они увидят Его, где бы сами ни находились, даже на земле, ибо Он везде.

35. Дух очищается только постепенно, и различные воплощения составляют те реторты, на дне которых он каждый раз оставляет какие-нибудь несовершенства. Покидая телесную оболочку, он не тотчас освобождается от своих недостатков, и потому многие и после смерти видят Бога не более, чем при жизни; но, по мере того, как они очищаются, они получают более ясное сознание Его бытия, хоть они и не видят Его, но понимают Его лучше. Свет Его делается менее рассеян для них. Потому, когда духи говорят, что Бог не позволяет им отвечать на какой-нибудь вопрос, то это не значит, что Бог является им и, обращаясь к ним с речью, повелевает или запрещает им то или другое. Нет, но они это чувствуют: они воспринимают внушение Его мысли подобно тому, как бывает с нами, когда духи облакают нас своим флюидом, хотя мы их и не видим.

36. Итак, ни один человек не может видеть Бога плотскими глазами. Если бы такая милость была оказана некоторым, то это могло бы случиться только в состоянии экстаза, когда душа настолько освобождается от уз материи, насколько это возможно при воплощении. И все-таки такая милость может выпасть на долю только избранных душ, воплощенных на земле ради миссии, а не для искупления. Но так как духи самого высшего разряда сияют ослепительным блеском, то может случиться, что духи менее высокие, воплощенные или бесплотные, пораженные окружающим их сиянием, думали, что видят самого Бога. Так иной раз блестящий вельможа может быть принят за самого монарха.

37. В каком виде является Бог тем, кто заслужил Его лицезрение? Имеет ли Он какую-нибудь форму, образ человеческий, или только вид сияющего света? Этого язык человеческий описать не в силах, потому что не существует подобия для сравнения, и нам не из чего составить себе даже приблизительного понятия. Мы – как слепые, которым старались бы объяснить сияние солнца. Наши выражения ограничиваются кругом наших идей и потребностей. Как язык диких племен недостаточен для описания чудес цивилизации, так и речь самых просвещенных народов слишком бедна для выражения всего великолепия небес, наш разум слишком ограничен, и наше зрение слишком слабо для этого.

Глава 3. Добро и зло

Происхождение добра и зла

1. Бог – первоисточник всего существующего, есть высшая премудрость, благодать и правосудие. Все, что происходит от Него, должно отличаться теми же свойствами, потому что мудрость, благодать и справедливость не могут произвести ничего неразумного, злого и несправедливого. Стало быть, наблюдаемое нами зло должно происходить не от Него.

2. Если бы зло было специальной принадлежностью какого-нибудь существа, как бы его ни называть, Ариманом или Сатаной, то было бы одно из двух: это существо было бы равным богу и, следовательно, столь же могущественно и вечно, как Он, или оно было бы ниже Его.

В первом случае было бы два соперничающих могущества, борющихся непрерывно и стремящихся каждое, со своей стороны, разрушить то, что сделано другим и, таким образом, находящихся в постоянном взаимном противодействии. Но подобное предположение несовместимо с единством цели, которое проявляется во всем порядке мироздания.

Во втором случае это существо, будучи ниже Бога, было бы подчинено Ему. А так как, не будучи равным Богу, оно не могло бы быть вечным, то оно должно было иметь начало. Если же оно было создано, то, конечно, не кем иным, как Богом и, стало быть, Бог создал духа зла, что было бы отрицанием бесконечной Его благодати (См. Небо (Рай) и Ад с точки зрения спиритизма, гл. 10 о Демонах).

3. Однако зло существует и имеет свою причину. Осаждающие человечество физические и нравственные страдания всякого рода могут разделяться на две категории, а именно, те, которых человек может избежать, и те, которые не зависят от его воли. К числу последних надо отнести все стихийные бедствия.

Человек, способности которого ограничены, не может проникнуть и обнять совокупность целей Провидения. Он судит о вещах с точки зрения своей личности и тех искусственных, условных интересов, которые он себе создал и которые не совпадают с законами природы; вот почему он часто находит дурным и несправедливым то, что счел бы праведным и прекрасным, если бы понимал его причину, цель и конечный результат. Отыскивая причину и пользу всякого явления, он должен будет признать, что все носит печать беспредельной мудрости, и преклониться перед этою мудростью даже в том, чего еще не понимает.

4. Человеку достался в удел разум, с помощью которого он может отвращать или, по крайней мере, значительно ослаблять последствия стихийных бедствий; чем более он приобретает познаний и подвигается в просвещении, тем менее опустошительными делаются эти бедствия; а с предусмотрительной и мудрой общественной организацией он будет в состоянии парализовать, если не вполне избежать их. Ради этих бичей, приносящих определенную пользу в общем распорядке природы и в будущем, но и поражающих в настоящем, Бог и дал человеку способности, позволяющие ему бороться с ними.

Так, он улучшает нездоровые местности, устраняет вредные миазмы, удобряет бесплодные земли и предохраняет их от наводнений; так, он строит себе здоровые жилища, способные противостоять ветрам, столь необходимым для очищения атмосферы, и научается защищаться от непогоды; наконец, он мало-помалу, в силу необходимости, создает науки, с помощью которых улучшаются условия существования на земле и увеличивается сумма общего благосостояния.

5. Человек должен прогрессировать, и потому страдания, которым он подвергается, служат стимулом для упражнения его способностей, как физических, так и духовных, и

побуждают его к изысканию средств для избежания этих страданий. Если бы ему нечего было бояться, то ничто и не побуждало бы его стремиться к лучшему, и ум его заглох бы в бездействии. Он не стал бы ни изображать, ни открывать ничего нового. *Страдание – это острота, побуждающее человека подвигаться вперед на пути прогресса.*

6. Но самые многочисленные страдания создаются самим человеком, его собственными страстями, происходящими от его гордости, эгоизма, честолюбия, корыстолюбия и излишеств всякого рода: в этом причина войн и порождаемых ими бедствий, раздоров, несправедливостей, притеснений слабого более сильным, и, наконец, в этом же причина большинства болезней.

Бог установил полные мудрости законы, ведущие только к добру, и человек находит в себе все, что нужно, чтобы им следовать; путь указывается ему его совестью, так как законы эти начертаны в его сердце. Кроме того, Бог постоянно напоминает ему о них через Своих пророков и мессий, через всех воплощенных духов, получивших миссию его просвещать, наставлять и совершенствовать, а в последнее время и через всех бесплодных духов, проявляющихся со всех сторон. Если бы человек строго придерживался этих Божественных законов, то, без сомнения, избежал бы самых острых страданий и жил бы счастливо на земле. А если он этого не делает в силу своей свободной воли, то и испытывает последствия своих поступков. (Евангелие в разъяснении спиритизма, гл. 5, п. 4, 5, 6 и следующие.)

7. Но Бог, полный милосердия, даровал помощь рядом с болезнью, т. е. Он из самого зла извлекает добро. Приходит минута, когда избыток нравственного зла становится невыносимым и доводит человека до потребности изменить свои пути: наученный опытом, он ищет исцеления в добре, и, когда вступает на лучшую дорогу, то делает это по собственной воле, потому что сам сознает неудобства прежних путей. Необходимость заставляет его совершенствоваться нравственно, чтобы быть более счастливым, точно так, как та же необходимость заставила его совершенствовать условия своего материального существования (5).

8. *Можно сказать, что зло есть отсутствие добра, как холод есть отсутствие теплоты. Зло не составляет какого-нибудь определенного свойства, так же как холод не есть специальный флюид: одно есть отрицание другого.* Там, где нет добра, необходимо существует зло; не делать зла есть уже начало добра. *Бог хочет только добра, а зло происходит исключительно от человека. Если бы в творении было существо, предназначенное для зла, то никто не мог бы избежать его; но человек, в самом себе имеющий причину зла и притом обладающий свободой воли и руководящийся божественными законами, избежит зла, когда захочет.*

Возьмем для сравнения самый обыкновенный пример: землевладельцу известно, что в конце его поля находится опасное место, в котором проходящий может пострадать или даже погибнуть. Что же он делает для предупреждения несчастных случаев? Он помещает в соседстве с опасным местом объявление, гласящее о возможной опасности и запрещающее идти дальше. Таков и закон; он мудр и предусмотрителен. Если, несмотря на него, неосторожный человек пройдет дальше и с ним случится несчастье, то он не может пенять ни на кого, кроме самого себя.

То же бывает и со всяким злом: человек мог бы избежать его, если бы соблюдал божественные законы. Например, Бог постановил границы удовлетворению человеческих потребностей: они определяются пресыщением; а если человек переступает эту границу, то делает это по доброй воле, и болезни, немощи, даже смерть, могущие произойти от этого, составляют плод его неосторожности, а не воли Божией.

9. Но нам скажут, что если зло происходит от несовершенств человека, а человек создан Богом, то в результате окажется, что Бог создал, если не зло, то хоть причину зла: если бы Он создал человека совершенным, то не было бы и зла.

Если бы человек был создан совершенным, то роковым образом увлекался бы к добру. Но, обладая свободной волей, он не вынужден неизбежно стремиться ни к добру, ни к злу. Бог повелел, чтобы он был подчинен закону прогресса и чтобы совершенствование было его личной заслугой и плодом его собственного труда, подобно тому, как он несет ответственность за зло, которое совершается по его воле. Итак, весь вопрос сводится к тому, чтобы узнать, в чем кроется источник склонности человека ко злу.¹⁰

10. Если изучать страсти и даже пороки человека, то увидишь, что все они происходят от инстинкта самосохранения. Этот инстинкт во всей силе своей встречается у животных и у первобытных существ, близких к животному состоянию. Там он царит безраздельно, потому что не встречает у них противовеса в нравственном чувстве: эти существа не родились еще для умственной жизни. Но инстинкт ослабевает по мере того, как развивается разум, господствующий над материей.

Назначение духа есть жизнь духовная; но на первых ступенях своей телесной жизни он имеет только материальные потребности; чтобы удовлетворить их, необходимо действие страстей, служащих средством для сохранения рода и индивидуума, *в материальном смысле слова*. По выходе из этого периода у него являются другие потребности, сперва полуматериальные и полунравственные, а потом исключительно нравственные. Тогда дух получает преобладание над материей и, когда стряхнет иго ее, то подвинется по провиденциальному пути своему и приблизится к конечной своей цели. Но если, напротив того, он допустит преобладание материи и подчинится ей, то остановится и уподобится животному. В этом состоянии то, что было когда-то добром, потому что было потребностью его природы, превращается в зло, не только потому, что это уже не необходимость, но потому, что это вредит одухотворению существа. Так многое, бывшее достоинством для ребенка, является недостатком для взрослого человека: зло относительно, и ответственность пропорциональна степени развития.

Все страсти приносят некоторую пользу и имеют провиденциальную цель; иначе Бог создал бы нечто бесполезное и даже вредное. Зло же заключается в злоупотреблении, а злоупотребляет человек вследствие свободы своей воли. Позднее, когда он просветится и лучше поймет свои интересы, он будет свободно выбирать между добром и злом.

---

¹⁰ Ошибка состоит в предположении, что из рук Создателя душа вышла совершенной, тогда как воля Творца была, чтобы совершенство достигалось постепенным очищением Духа и составляло его собственный труд. Бог хотел, чтобы душа, обладающая свободой воли, выбирала между добром и злом и достигала конечных целей своих посредством жизненной борьбы и сопротивления злу. Если бы Он создал душу совершенной и приобщил ее, по выходе из Его рук, к вечному блаженству, то она была бы сотворена не по образу Его, а подобной Ему. (Бонами. Истинность спиритизма, гл. 6.)

Инстинкт и разум

11. Какая разница между инстинктом и разумом? Где кончается один и начинается другой? Не есть ли инстинкт элементарный разум или это особая способность, свойственная материи?

Инстинкт есть оккультная сила, подвигающая органические существа к самопроизвольным и невольным действиям ради их сохранения. В инстинктивных действиях нет ни размышления, ни соображения, ни преднамеренности. Так растение ищет воздуха, обращается к свету и направляет корни к влаге и кормилице-земле; цветок попеременно то закрывается, то открывается, в зависимости от потребности; вьющиеся растения обвиваются вокруг своей опорки и цепляются за нее своими усиками. Инстинкт предупреждает и животных о том, что им полезно или вредно, и направляет их согласно временам года в благоприятные местности. Также инстинктивно строят они без предварительного обучения и с большим или меньшим искусством, в зависимости от породы, мягкое ложе и верное убежище для своего потомства и сооружают западни для ловли добычи, которою питаются; они с ловкостью владеют наступательными и оборонительными орудиями, которыми снабжены; полы их сближаются, матери высиживают своих птенцов, а последние, в других породах, ищут сосцов своей матери. У человека же инстинкт господствует исключительно в начале жизни. По его побуждению ребенок производит первые свои движения, хватает пищу, кричит для выражения своих потребностей, подражает голосу и делает первые попытки ходить и говорить. Даже у взрослого некоторые действия бывают инстинктивны, как, например, внезапные движения для предупреждения опасности, избежания гибели или удержания равновесия; таковы и моргание век для умерения света или машинальное открывание рта для дыхания и пр., и пр.

12. *Разум выражается действиями сознательными, обдуманными, преднамеренными, соображенными с обстоятельствами.* Это свойство, несомненно, принадлежит исключительно душе.

Всякий машинальный акт инстинктивен; тот же, который указывает на размышление, соображение или преднамеренность, – разумен: один свободен, а другой нет.

Инстинкт – это верный, никогда не обманывающий руководитель; разум же, по одному тому, что свободен, бывает иногда подвержен заблуждению.

Если инстинктивный акт не имеет характера разумного действия, то он все-таки *обнаруживает разумную, существенно предусмотрительную причину.* И если предположить, что инстинкт происходит из материи, то надо признать материю разумной и даже более разумной и верно предусмотрительной, чем душа, потому что инстинкт не ошибается, а разум ошибается.

Если смотреть на инстинкт, как на элементарный разум, то как объяснить, что в некоторых случаях он выше сознательного разума и что он дает возможность таких поступков, которые неисполнимы под влиянием рассудка?

Если инстинкт есть свойство специального духовного принципа, то куда же он исчезает? Когда инстинкт изглаживается, то и принцип этот должен уничтожиться? А если животные одарены только инстинктом, то их будущность безысходна и страдания их остаются без всякого вознаграждения. Это было бы несогласно ни с благостию, ни со справедливостью Божиею (гл. 2, п. 19).

13. По другой теории инстинкт и разум имеют общее основание; достигши определенной степени развития, источник этот, имевший вначале только свойства инстинкта, претерпевает изменение, придающее ему признаки свободного разума.

Если бы это было так, то разумный человек, лишившийся рассудка и снова управляемый одним инстинктом, возвратился бы вновь в первобытное состояние. А когда рассудок возвращается, то инстинкт вновь превращался бы в разум, и так при каждом припадке, что недопустимо.

Впрочем, разум и инстинкт проявляются иногда одновременно в одном и том же действии. Например, во время ходьбы движение ног инстинктивно, и человек машинально, не думая об этом, ставит одну ногу перед другою; но если он хочет ускорить или замедлить шаг, поднять ногу или посторониться, чтобы избежать препятствия, то он проявляет расчет, соображение: он действует с сознательной целью. *Невольный импульс движения есть акт инстинктивный, а рассчитанное направление движения – акт разумный.* Инстинкт побуждает хищное животное питаться мясом; но предосторожности, которые он принимает и изменяет, сообразно обстоятельствам, чтобы овладеть своей добычей, его предвидение возможных случайностей составляют действия разумные.

14. Другая гипотеза, вполне согласующаяся с идеей о единстве принципа, вытекает из существенно предусмотрительного характера инстинкта и согласуется с тем, чему учит нас спиритизм насчет отношений духовного мира с телесным. Теперь известно, что бесплотные духи имеют миссию следить за воплощенными, которым они служат покровителями и руководителями; они окружают их своим флюидическим током, и под влиянием этого тока человек часто действует как бы бессознательно.

Известно также, что инстинкт, производящий бессознательные действия, преобладает у детей и вообще у существ, рассудок которых слаб. Согласно с этой гипотезой, инстинкт не составляет свойства ни духа, ни материи и не принадлежит собственно живому существу, у которого проявляется: он происходит от непосредственного действия невидимых покровителей, которые пополняют несовершенство разума этого существа и сами вызывают бессознательные действия, необходимые для его сохранения. Это подобно помочам, которыми поддерживают дитя, не умеющее ходить. Как помочи постепенно перестают употреблять, по мере того, как дитя научается ходить, так и духи-покровители предоставляют своих питомцев самим себе по мере того, как они научаются руководствоваться собственным разумом.

Итак, инстинкт далеко не элементарный и не совершенный разум, а проявление постороннего разума, находящегося во всей силе своего развития. Это – разум-покровитель, пополняющий недостаточность более юного разума, побуждая его бессознательно делать для своей пользы то, что он не способен исполнить сам по себе; иногда он помогает духу, хотя и зрелому, но временно затрудненному в пользовании своими способностями, как это бывает в детстве или в случаях идиотизма и психического расстройства.

Выражение, что есть Бог для детей, сумасшедших и пьяниц вошло в поговорку: это более верно, чем думают. Бог это не кто иной, как дух-покровитель, бодрствующий над существом, не способным руководиться собственным рассудком.

15. Можно идти и дальше в развитии этих идей. Эта теория, как она ни рациональна, но не разрешает всех трудностей, представляемых вопросом.

Если наблюдать явления инстинкта, то, прежде всего, заметишь единство целей и верность результатов, исчезающих, как только инстинкт заменяется свободным разумом. Более того: в постоянстве и совершенстве приспособления инстинктивных способностей к потребностям каждого вида заметна глубочайшая мудрость. Такое единство целей не могло бы существовать без единства мысли, а единство мысли несовместимо с разнообразием индивидуальных способностей. Одно только это единство может произвести ту поразительную по совершенству гармонию, которая проводится с начала времен и во всех широтах с математической точностью и правильностью, никогда себе не изменяющей. Однообразие в результате инстинктивных способностей есть характерный факт, убедительно доказывающий *единство причины*; если бы эта причина была сосущественна (если можно так выразиться) с каждой

отдельной индивидуальностью, то было бы столько разнообразных инстинктов, сколько особей, начиная от растения, до человека. Общее однообразное и постоянное явление должно иметь общую, однообразную и постоянную причину; явление, обнаруживающее мудрость и предусмотрительность, должно иметь мудрую и предусмотрительную причину. А причина мудрая и предусмотрительная необходимо должна быть разумной и не может быть только материальной.

Не находя в воплощенных или бесплотных созданиях способностей, нужных для достижения подобных результатов, надо подняться выше, т. е. к Самому Творцу. Если припомнить объяснение, данное в гл. 2, п. 24, о том, как действует божественное Провидение, можно представить себе все существа проникнутыми бесконечно мудрым божественным флюидом, и тогда будут понятны предусмотрительные мудрость и единство целей, проявляющиеся во всех инстинктивных движениях на благо каждого существа. И эта предусмотрительность тем более деятельна, чем меньше средств находит особь в себе и в своем разуме.

Вот почему она является более высокой и более абсолютной у животных и низших организмов, чем у человека.

По этой теории понятно, почему инстинкт представляет всегда верное руководство. Материнское чувство, наиболее благородное, которое материализм старается понизить до уровня притягательных сил природы, им возвышается и облагораживается. Ради его целей оно и не могло быть предоставлено капризным случайностям рассудка и свободной воли. *При посредстве матери Сам Бог бдит над Своими рождающимися созданиями.*

16. Эта теория нисколько не уничтожает вмешательства духов-покровителей, содействие которых есть факт, удостоверенный и доказанный опытом; но нужно заметить, что действие последних индивидуально, изменяется согласно личным свойствам покровителя и питомца и никогда не отличается единообразием и общностью инстинкта. В премудрости Своей Бог Сам руководит слепыми, а заботу о руководстве зрячих предоставляет свободным умам, чтобы за всяким оставить ответственность за свои поступки. Миссия духов-покровителей есть добровольно принятая ими обязанность, служащая им средством к возвышению, в зависимости от того, как они ее исполняют.

17. Все эти способы объяснения инстинкта, конечно, гипотетичны, и ни один из них не носит характера достаточной достоверности, чтобы быть предложенным как окончательное решение. Этот вопрос разрешится со временем, когда будут собраны наблюдения, пока еще недостаточные; а до тех пор надо ограничиться рассмотрением различных мнений и обсуждением их с логической точки зрения, терпеливо ожидая, пока появится свет. Решением, наиболее близким к истине, непременно окажется то, которое лучше других будет согласовываться со свойствами Божиими, т. е. с верховной благодатью и высшим правосудием (гл. 2, п. 19).

18. Инстинкт, как руководитель, и страсти, как двигательные пружины душ в первый период их развития, иногда сливаются в своих действиях. Но между этими двумя началами есть различия, которые необходимо рассмотреть.

Инстинкт – это всегда верный и добрый руководитель; в определенное время он может сделаться бесполезным, но никогда не вредным; он ослабевает, когда разум получает перевес.

Страсти в первые периоды жизни души имеют с инстинктом ту общую черту, что возбуждаются одинаково бессознательной силой. Они происходят собственно от потребностей тела и зависят от организма более, чем инстинкт. Особенно отличает их от инстинкта то, что они индивидуальны и не производят подобно инстинкту общих, однообразных явлений; напротив того, они изменяются в интенсивности и в характере своем, в зависимости от особи. Они полезны, как стимул, до появления нравственного чувства, которое превращает пассивное существо в разумное; с этого момента они делаются не только бесполезны, но

даже вредны развитию духа, препятствуя освобождению его от материальности: они ослабевают по мере развития разума.

19. Человек, постоянно побуждаемый в своих действиях одним только инстинктом, может, пожалуй, быть и очень добрым, но ум его будет непременно дремать; он уподобится ребенку, не покидающему помочей и не умеющему владеть своими членами. А тот, кто не обуздывает своих страстей, может быть очень умен, но в то же время очень зол. *Инстинкт уничтожается сам, а страсти укрощаются только усилием воли.*

Уничтожение живых существ одних другими

20. Взаимное уничтожение живых существ есть один из законов природы, который при первом взгляде кажется наименее согласным с благодатью Божией. Рождается вопрос, почему Бог поставил их в необходимость уничтожать друг друга, чтобы питаться одним за счет других.

Это, конечно, кажется несовершенством в творении Божиим тому, кто видит только материю и одну настоящую жизнь. Вообще люди судят о совершенстве Божиим со своей точки зрения и ставят собственное суждение мерилom Его премудрости; им кажется, что Бог не мог бы сделать лучше, чем бы они сами сделали. Их ограниченность не позволяет им судить о всеобщности, и они не понимают, что действительное благо может произойти из кажущегося зла. Знание духовного начала в истинной его сущности и великого закона единства одно только может дать человеку ключ к этой тайне и указать ему премудрость Провидения и гармонию именно в том, в чем он видел одну только аномалию и противоречие.

21. *Истинная жизнь животного так же, как и человека, не в телесной оболочке и не в одежде: она заключается в разумном начале, предшествующем телу и переживающем его.* Этому началу нужно тело для того, чтобы развиваться посредством работы, которую он должен производить над грубой материей; тело изнашивается в этой работе, но дух не теряет сил; напротив, он с каждым разом выходит из нее более сильным, ясным и способным. Что же значит для него более или менее часто переменять оболочку? Он остается все тем же духом; это совершенно так, как было бы с человеком, по сто раз в год меняющим свою одежду и остающимся при том все тем же человеком.

Показывая человеку постоянное уничтожение, Бог научает его, какую ничтожную цену он должен придавать телесной оболочке, и возбуждает в нем мысль о духовной жизни, заставляя его желать последней, как вознаграждение.

Но, скажут нам, разве Бог не мог достичь того же другими средствами, не принуждая живых существ к взаимному уничтожению? Если все премудро в Его творении, то мы должны предположить, что и в этом случае Его премудрость не изменяет себе; если же мы этого не понимаем, то должны приписывать свое недоумение нашему малому развитию. Однако мы можем попробовать поискать объяснения, приняв в виде компаса следующее правило:

Бог должен быть безгранично справедлив и премудр.

Итак, будем во всем искать Его правосудия и мудрости, и преклонимся перед тем, что превосходит наше разумение.

22. Первая польза, вытекающая из уничтожения, польза, впрочем, чисто материальная, такова: органические тела поддерживаются только посредством органических веществ, потому что одни эти вещества заключают в себе питательные материалы, необходимые для их преобразования. Тела, служащие орудиями духовного начала, должны непрестанно быть возобновляемы, и Провидение заставляет их служить взаимной поддержкой. Потому они и питаются друг другом, т. е. тела их питаются телами, но души не уничтожаются и не повреждаются, а теряют только свою оболочку.

23. Но существуют и нравственные соображения более высокого порядка.

Борьба нужна для развития духа: в ней упражняются его способности. Тот, кто ради своего пропитания вынужден нападать, и тот, кто защищается для сохранения жизни, составляют в хитрости и сообразительности и тем самым развивают свои умственные силы.

Один из двух погибает; но что собственно сильнейший и более ловкий отнял у слабейшего? Его телесную оболочку, и ничего больше; дух же, не погибший в борьбе, со временем приобретает новую.

24. В творениях низшего порядка, не имеющих еще нравственного чувства и у которых инстинкт не заменен разумом, борьба не может иметь другой побудительной причины, кроме удовлетворения материальных потребностей.

Одна же из самых настоятельных потребностей есть потребность питания; следовательно, они борются исключительно для того, чтобы жить, т. е. для того, чтобы получить или защитить добычу; более же высокие стимулы еще недоступны для них. В этом-то первоначальном периоде и вырабатывается душа и делает первые попытки жить.

И у человека бывает переходный период, во время которого он едва отличается от животного; в первые века в нем преобладает животный инстинкт и только необходимость удовлетворения физических потребностей побуждает его к борьбе. Позднее животный инстинкт и нравственное чувство уравниваются; тогда человек борется уже для того, чтобы удовлетворить свое честолюбие, свою гордость или властолюбие. Ради этого ему опять приходится разрушать. Но по мере того, как берет верх нравственное чувство, развивается чувствительность и потребность разрушения уменьшается. Кончается тем, что она совсем исчезает и кровопролитие делается ненавистным.

Однако борьба все-таки остается необходимой для развития духа, так как и дойдя до пункта, который нам кажется кульминационным, он еще далек от совершенства. Только ценою труда и упорной деятельности он приобретает познания и опытность и освобождается от последних следов животности. С этой минуты ведется уже борьба, не грубая и кровавая, а чисто интеллектуальная. Человек борется уже с препятствиями, а не с себе подобными.¹¹

---

¹¹ Не предпрешая ничего, что может быть выведено из этих положений, мы хотели только доказать посредством наших объяснений, что взаимное уничтожение существ не противоречит мудрости Божией и что в законах природы все находится в общей связи. Связь эта прорывается, когда игнорируют духовное начало. Вот почему столько вопросов остаются неразрешимыми, когда рассматривают одну материю. Материалистические учения в самих себе носят зачатки своего уничтожения. Они имеют против себя не только свое противоречие со стремлениями большинства людей и нравственные выводы, которые со временем заставят отвергнуть их, как разрушительные для общества начала, но также испытываемую большинством потребность объяснения всего, что вытекает из прогресса. Умственное развитие приводит человека к изысканию причин, и как только он начинает мыслить, то замечает неспособность материализма дать объяснение всему. Как могут одержать верх доктрины, не удовлетворяющие ни сердца, ни ума и оставляющие без разрешения самые жизненные вопросы. Прогресс идей убьет материализм, как уже убил фанатизм.

Глава 4. Роль науки в объяснении мироздания

1. История происхождения почти всех древних народов сливается с историей их религий, потому и первые книги их были книгами религиозными. Все религии имеют отношение к общему началу всех вещей, а в том числе и человечества, и дают объяснение образования и устройства вселенной; объяснение, соответствующее времени и познаниям их основателей. Это вело к тому, что первые священные книги были одновременно и первыми научными книгами и долго еще оставались единственным гражданским законом.

2. В первые времена, когда средства наблюдения были очень несовершенны, первые системы строения вселенной отличались многими грубыми заблуждениями; но если бы в те отдаленные эпохи наблюдения и могли достичь такого совершенства, как в наше время, то люди все-таки не сумели бы ими воспользоваться. Они могли явиться только результатом развитого ума и постепенного знакомства с законами природы. По мере того, как человек совершенствовался в познании этих законов, он проникал и в тайны творения и исправлял составленные ранее понятия о происхождении вещей.

3. Человек был не в силах разрешить вопрос о творении, пока наука не дала ему к тому ключа. Нужно было, чтобы астрономия открыла ему двери бесконечного пространства и позволила ему погрузить в него свои взоры; чтобы при посредстве вычисления он со строгой точностью мог определить движение, положение, размер, природу и роль небесных тел. Нужно было, чтобы физика открыла ему законы тяготения, теплоты, света и электричества; чтобы химия научила его превращениям веществ, а минералогия указала материалы, составляющие земную кору, также чтобы геология научила его в слоях той же земной коры читать историю постепенного образования земного шара. Ботаника, зоология, палеонтология и антропология должны были ознакомить его с преемственной связью органических существ, а с археологией он мог по следам человечества проникнуть в глубину веков. Одним словом, все науки, взаимно пополняясь, принесли ему необходимый контингент познаний для составления истории мира; без этих указаний он остался бы при одних своих первоначальных гипотезах.

Прежде чем человек овладел этими элементами познаний, все составители истории мироздания, наталкиваясь на всевозможные трудности, вращались все в том же кругу, из которого не находили выхода. Они нашли его только, когда наука, подкапываясь под старое здание верований, пробила в нем брешь и таким образом расчистила путь. Тогда все изменилось, руководящая нить была найдена, и трудности стали быстро сглаживаться. Вместо воображаемой космографии получилась положительная, так сказать, экспериментальная история Бытия. Пространство расширилось до бесконечности, и человек увидел постепенность образования земли и небесных тел по законам, вечность и неизменность которых доказывает величие и премудрость Божию гораздо лучше, чем чудесное создание мира, внезапно являющегося из небытия по мгновенной мысли Божества, до тех пор вечно бездействовавшего.

Так как объяснить мироздание без помощи данных, оставляемых наукой, невозможно, то надо признать, *что наука действительно призвана составить истинную историю Бытия на основании законов природы.*

4. Разрешила ли наука все затруднения в вопросе о мироздании, когда дошла до пункта, достигнутого ею в XIX столетии? – Конечно, нет; но она, несомненно, безвозвратно уничтожила важнейшие заблуждения и заложила основы для решения этой задачи на самых неопровержимых данных. Некоторые еще сомнительные пункты относятся, собственно говоря, к детальным вопросам, решение которых, каково бы оно ни было в будущем, не может повредить общему. И все-таки при всех находящихся в ее распоряжении средствах

ей до настоящего времени недоставало элемента, без которого труд ее не может считаться законченным.

5. Из всех древних космографий наиболее близка к данным современных наук космография Моисея, несмотря на все свои, ныне неопровержимо доказанные, погрешности. Некоторые ее заблуждения, даже более кажущиеся, чем действительные, происходят от неверного объяснения выражений, первоначальный смысл которого утрачен при переводах с одного языка на другой или видоизменен с переменою народных обычаев; также могла повлиять и аллегорическая форма, свойственная восточному стилю, если буквальный смысл выражений был принят вместо истинного духовного их значения.

6. Библия содержит многие факты, которых развитый наукою ум не может признать, а некоторые из них кажутся странными и даже отвратительными, потому что изображают нравы, совершенно нам чуждые. Но рядом с этим было бы несправедливо не признать, что в ней встречаются великие и прекрасные границы. Аллегория, конечно, играет в них большую роль, но под ее покровом скрываются высокие истины, проявляющиеся, когда находят настоящую мысль, и исчезает нелепость внешней формы.

Почему же не замечали этого раньше? С одной стороны по недостатку знаний, которые могли быть даны только наукой и здравой философией, а с другой, вследствие верования в абсолютную неизменность религии, основанной на слепом уважении к букве, перед которым должен был преклоняться рассудок; являлось опасение нарушить все построение верований, утвержденных на буквальном смысле. Верования эти, исходящие из первоначальной точки, представляли опасность разрушения всей сети в случае, если бы одно звено в цепи было порвано: тогда могла бы распуститься и вся сеть. Потому и закрывали глаза, вопреки всему, а закрывать глаза, несмотря на опасность, не значит избежать ее. Если разрушается здание, не лучше ли вовремя заменить плохие камни новыми, чем из уважения к древности ожидать минуты, когда зло будет непоправимо и придется все перестраивать сначала.

7. Наука, распространившая свои изыскания от внутренних слоев земли до отдаленных пространств небесных, доказала ошибки в буквально понимаемой книге Моисея о Бытии и физическую невозможность происхождения вещей тем порядком, о каком повествует древнееврейский текст. Это нанесло глубокое поражение вековым верованиям, и ортодоксальная религия обеспокоилась, сочтя самые основы свои потрясенными.

Но кто тут прав? Наука ли, постепенно и осторожно подвигающаяся на твердой почве цифр и наблюдений и ничего не утверждающая до тех пор, пока не имеет в руках несомненных доказательств, или повествование, написанное в такое время, когда не существовало никаких средств для опытных исследований? Кто, в конце концов, окажется победителем: тот ли, кто утверждает, что $2 \times 2 = 5$ и не допускает проверки, или тот, кто говорит, что $2 \times 2 = 4$ и доказывает это?

8. Но в таком случае, скажут нам: если св. Писание есть откровение Божие, то Бог ошибается? А если это не откровение, то не имеет авторитета, и религия должна рушиться, потеряв свое основание?

Одно из двух: наука права или неправа; но, будучи правой, она не может сделать того, чтобы противоположное мнение было справедливо. Не существует такого откровения, которое могло бы превозмочь силу физических доказательств.

Бог есть сама истина и не может вводить людей в заблуждение намеренно или ненамеренно. Иначе Он не был бы Богом. А если факты противоречат приписываемым Ему словам, то нужно логически заключить, что Он их не произносил или что они были поняты неверно. Если же религия в некоторых отношениях страдает от этих противоречий, то в том виновата не наука: она не может превратить существующее в несуществующее, а люди, преждевременно составившие абсолютные догматы и сделавшие из них вопрос жизни или смерти, основывались на гипотезах, которые могли быть опровергнуты опытом.

Есть вещи, которыми волею или неволею надо решиться пожертвовать, когда нельзя иначе. Весь мир совершенствуется, и воля отдельных личностей не в силах остановить его; потому всего умнее следовать за ним, приравливаясь к новому положению вещей, а не цепляться за разрушающееся прошлое, чтобы не пасть вместе с ним.

9. Нужно ли было из уважения к текстам, считавшимся священными, заставить молчать науку? Это было бы столь же невозможно, как помешать земле вращаться, и религии, каковы бы они ни были, никогда ничего не выигрывали, когда поддерживали явные заблуждения.

Назначение науки состоит в открытии законов природы, а так как эти законы выражают волю Божию, то и не могут быть в противоречии с религиями, основанными на истине. Смотреть на прогресс, как на оскорбление религии, значит предавать анафеме само творчество Божие; при том же это потерянный труд.

Никакие проклятия не помешают развитию знания и появлению истины. *Когда религия отказывается идти вперед вместе с наукой, наука идет одна без религии.*

10. Только застывшие религии могут страдать от научных открытий, и открытия эти бывают пагубны только тем исповеданиям, которые замыкаются в абсолютизме своих верований. Вообще они составляют себе слишком ограниченное понятие о Божестве и не понимают, что признать законы природы, открытые наукой, значит прославлять Бога в Его творениях; в своем ослеплении они предпочитают приписывать эти открытия духу зла. *Религии, ни в чем не противоречащей законам природы, не нужно было бы опасаться прогресса: она была бы неузвима.*

11. Книга Бытия заключает в себе две части: историю образования материального мира и историю сотворения человечества, рассматриваемого в обеих его составных частях, телесной и духовной. Наука ограничивается изысканием законов, управляющих материей, и в человеке рассматривает только телесную его оболочку. В этих пределах она достигла несомненного и точного знания главных частей мирового механизма и человеческой организации и по этим важным пунктам может дополнить книгу Моисея и исправить ее погрешности.

Но история человека, как существа духовного, относится к порядку понятий, не входящих в область науки, которая по этой причине и не занимается ими. Философия же, ближе соприкасающаяся с этими вопросами, составила многие, противоречащие одна другой системы, начиная с чисто спиритуалистических до отрицающих всякое духовное начало и даже Самого Бога, не имея к тому другого основания, кроме личного мнения их авторов. Так вопрос и остался открытым вследствие недостатка критического разбора.

12. А вопрос этот для человека наиболее важен, так как это вопрос о его прошедшем и его будущем. Вопрос же о материальном мире имеет к нему только косвенное отношение. Ему важнее всего знать, откуда он пришел и куда идет; жил ли он ранее и будет ли жить в будущем и какова будет судьба его?

На все эти вопросы наука не дает ответа, а философия излагает мнения, приводящие к диаметрально противоположным заключениям. Но философия, по крайней мере, позволяет рассуждать, и это привлекает многих на ее сторону; а религия отталкивает от себя тем, что не рассуждает.

13. Все религии согласны в том, что душа существует, но ни одна из них не доказывает этого положения. При том они совершенно расходятся в мнениях о ее происхождении, ее прошедшем и будущем, об условиях, от которых зависит ее будущая судьба. В большинстве случаев изображаемая ими картина будущности требует слепой веры и не допускает серьезного рассмотрения.

Судьба, которую они предсказывают душам, соединяется в их догматах с первобытными понятиями о материальном мире и устройстве вселенной, несовместимыми с совре-

менным знанием. Поэтому они ничего не могут выиграть от рассмотрения и обсуждения и предпочитают изгнать то и другое.

14. От этих разногласий в вопросе о будущности человека произошли сомнение и неверие. Но неверие составляет тягостную пустоту; человек с ужасом останавливается перед неизвестным, в которое он неизбежно должен будет вступить рано или поздно. Мысль о небытии охватывает его ледяным холодом, а совесть говорит ему, что за настоящей жизнью есть еще что-то. Но что?

Его развитой ум уже не позволяет ему принимать на веру детские басни и аллегориям почитать реальностью.

Но какой смысл имеет эта аллегория? Наука хотя и подняла одну сторону завесы, но не открыла ему того, что ему нужнее было знать. Он тщетно вопрошает и нигде не находит определенного и успокоительного ответа. Везде он встречает утверждение, сталкивающееся с отрицанием, и ни с той, ни с другой стороны не находит действительного перевеса доказательств. Это порождает в нем сомнения, *а от сомнения в будущей жизни происходит то, что он с остервенением бросается в жизнь материальную.*

Это – явление, неизбежное в переходные эпохи, когда прошедшее разрушается, а здание будущего еще не воздвигнуто. Человек подобен юноше, потерявшему наивные верования раннего детства, но еще не имеющему познаний зрелого возраста: у него проявляются только неясные стремления, которых он сам не умеет определить.

15. Если вопрос о духовном человеке до наших дней оставался чисто теоретическим, то это происходило оттого, что недоставало непосредственного наблюдения, каким пользовались для изучения материального мира, и потому поле отвлеченных соображений оставалось открытым для ума человеческого. Пока человек не ознакомился с законами, управляющими материей, и не прилагал экспериментального метода, он переходил от одной теории к другой в отношении мирового устройства и образования земли. И в моральном порядке произошло то же, что и в физическом; тут также недоставало главного условия для установления понятий, т. е. знания законов духовного мира. Эти познания были предоставлены нашему времени так же, как исследования законов материи были предназначены двум прошедшим столетиям.

16. До настоящего времени исследование духовного начала, изучавшегося метафизикой, было чисто отвлеченным и теоретическим; в спиритизме же оно экспериментально.

В медиумической способности, более развитой в наше время и, главное, более обобщенной и лучше изученной, человек приобрел новое орудие наблюдения. Медиумичность сделалась для духовного мира тем, чем был телескоп для астрального и микроскоп для мира бесконечно малых организмов. Медиумичность дала возможность изучать и, так сказать, наглядно наблюдать отношения духовного мира к телесному, отделять в живом человеке духовное существо от материального и наблюдать их обособленную деятельность.

Придя в соприкосновение с жителями потустороннего мира, мы можем следовать за душою в ее восходящем шествии, в ее переселениях и превращениях, одним словом – мы можем изучать духовный мир. Этого-то и недоставало прежним комментаторам книги Бытия, чтобы понять ее и исправить ее ошибки.

17. Мир духовный и мир телесный, находясь в постоянном соприкосновении друг с другом, взаимно солидарны и оба имеют определенную долю и деятельность в мироздании.

Без знания законов, управляющих первым, невозможно составить себе полного понятия о творении, подобно тому, как невозможно скульптору оживить статую. И только теперь, хотя ни физические, ни духовные науки не сказали еще своего последнего слова, человек обладает обоими элементами, бросающими свет на эту величественную задачу. Оба эти ключа были необходимы, чтобы дойти до ее решения, хотя бы приблизительного.

Глава 5. Древнейшие и новейшие системы мироздания

1. Первые понятия, которые люди составили себе о земле, небесных телах и устройстве вселенной, должны были основываться исключительно на свидетельстве чувств. Не зная ни сил природы, ни элементарнейших законов физики и не имея других средств наблюдения, кроме своего ограниченного зрения, они должны были судить по одной только видимости.

Видя, что солнце утром появляется с одной стороны горизонта, а вечером исчезает с другой, они естественно заключили, что оно вращается вокруг земли, которая остается неподвижной. Если бы им тогда сказали, что в действительности происходит обратное, то они ответили бы, что этого не может быть, потому что они видят, как солнце изменяет свое положение, а движения земли не замечают.

2. Незначительное протяжение, на которое распространялись их путешествия, редко выходявшие в то время за пределы племени или родной долины, не позволяло констатировать шарообразность земли. Да и как бы они могли предположить, что земля есть шар? Ведь тогда людям приходилось бы удерживаться только на высшей точке; а если предположить, что земля населена по всей своей поверхности, то как объяснить положение жителей обратной стороны, ходящих вверх ногами и вниз головой? При вращательном же движении дело казалось бы еще менее возможным. Когда мы и теперь, после открытия силы тяготения, видим, что люди, обладающие некоторым относительным образованием, не отдают себе ясного отчета в этом явлении, то неудивительно, что в первые времена человечество не могло и подозревать его.

Итак, земля казалась им плоским кругом, подобным мельничному жернову, простирающемуся в горизонтальном направлении в бесконечную даль. Отсюда и выражение, не вышедшее еще из употребления: идти на край света. Границы этого круга, его толщина, внутренность, нижняя сторона и то, что под нею, все это было неизвестно!¹²

3. Небо, представляющееся нам в виде вогнутого свода, было, по общему мнению, действительным куполом, нижние края которого опирались на землю, а воздух наполнял весь обширный объем его. Не имея понятия о бесконечности пространства и не способные даже постичь его, люди считали, что этот купол составлен из твердого вещества, отчего и произошли названия *тверди* и *свода* небесного, пережившие свое первоначальное значение.

4. Звезды, истинной сущности которых люди и не подозревали, казались им простыми, более или менее крупными, светлыми точками, подобно лампадам подвешенными на одной плоскости и, следовательно, на одном и том же расстоянии от земли. Так изображают их иногда на церковных куполах, выкрашенных в синий цвет для напоминания о синеве небес.

Хотя понятия нашего времени совершенно различны с прежними, но старые выражения не вышли еще из употребления; так в виде сравнения еще говорят: усеянный звездами свод, или: под куполом небес.

---

¹² Индийская мифология учит, что дневное светило вечером покидает свой свет и с темным ликом проходит по небу в продолжение ночи. А греческие сказания повествуют о колеснице Аполлона, запряженной четверкой лошадей. По словам Плутарха, Анаксимандр Милетский утверждал, что солнце – это повозка, наполненная ярким пламенем, извергающимся из круглого отверстия. Эпикур был того мнения, что солнце зажигается по утрам и гаснет вечером в водах океана, а другие полагали, что это кусок пемзы, раскаленный добела. Анаксагор считал солнце куском раскаленного железа, равняющимся по величине Пелопоннесскому полуострову. Достоин примечания, что древние были так убеждены в том, что действительная величина солнца совпадает с кажущейся, что подвергли этого смелого философа преследованию за дерзновенную мысль о непомерной величине дневного светила. Периклу пришлось употребить свое влияние и авторитет, чтобы спасти Анаксагора от смертной казни, заменив ее пожизненным изгнанием. (Фламарион. Астрономические этюды, стр. 6). Когда мы видим, что подобные идеи выражаются за 500 лет до рождения Христова, во времена высшего расцвета Греции, то нельзя удивляться тем понятиям, какие люди составляли себе о строении мира в первобытные века.

5. Образование облаков от испарения воды на земле было также неизвестно, и никому не могло придти в голову, что дождь, падающий с неба, мог происходить от земли, когда поднятие воды к небу было незаметно. Оттого и предполагали, что существуют воды верхние и воды нижние, источники небесные и источники земные, водоемы, помещенные в сферах вышних, что совершенно согласовалось с понятием о твердом своде, способном поддерживать их.

Верхние воды, просачиваясь сквозь трещины свода, падали в виде дождя и, в зависимости от величины трещин, дождь мог быть слабый или сильный, проливной или подобный потоку.

6. Полное неведение общности мира и законов, управляющих им, так же природы образования и назначения небесных тел, казавшихся при том столь мелкими в сравнении с землей, заставило смотреть на последнюю, как на главный предмет и единственную цель творения; звезды же казались второстепенными принадлежностями, созданными исключительно ради жителей земли. Этот предрассудок не исчез и донныне, несмотря на все научные открытия, изменившие все мирозерцание человека. Сколько людей до сих пор считают звезды украшением небес, помещенным там ради услаждения взоров рода человеческого!

7. Однако люди не замедлили заметить видимое движение звезд, перемещающихся с востока на запад, восходящих вечером и заходящих утром, не изменяя своего относительного положения. Но это наблюдение долго не имело других последствий, кроме подтверждения мысли о твердом своде, увлекающем небесные тела в своем вращательном движении.

Эти первобытные, наивные понятия во время долгих вековых периодов составляли основание всех религиозных верований и служили точкой опоры для всех древних космогоний.

8. Позднее, по направлению движения звезд и их периодическому возвращению все в том же порядке, поняли, что свод небесный не мог быть полусферой, опирающейся на землю, а должен был составлять целую сферу, внутри полую, в центре которой находилась земля все-таки плоская или несколько выпуклая и обитаемая только с верхней стороны. Это уже был прогресс.

Но на что опиралась земля? Было бы бесполезно излагать все смешные предположения, порожденные воображением народов, начиная с фантазий индусов, считавших, что земля держится на четырех белых слонах, а слоны стоят на крыльях гигантского коршуна. Мудрейшие сознавались, что не знают об этом ничего.

9. Однако, по общему всем языческим теогониям мнению, в *местах низких*, иначе говоря, в глубине земли, внизу, где-то в преисподней помещались отверженные. Их местопребывание называлось адом, т. е. *местом низшим*; а в *местах высших*, в надзвездном пространстве находились блаженные. Слово ад до наших дней сохранило свое значение, хотя геология изгнала место вечных мук из внутренности земли, а астрономия доказала, что ни верха, ни низа не существует в бесконечном пространстве.

10. Под чистым небом Халдеи, Индии и Египта, этой колыбели античных цивилизаций, можно было наблюдать движение небесных тел со всею точностью, какую позволяло отсутствие специальных инструментов. Прежде всего, было замечено, что некоторые звезды имеют движение, обособленное от общего, что заставило предположить, что они не были прикреплены к своду; их назвали странствующими звездами, или планетами, в отличие от звезд неподвижных, и рассчитали их движения и периодические возвращения.

Наблюдая суточное движение звездной сферы, скоро заметили неподвижность полярной звезды, вокруг которой остальные небесные тела в 24 часа описывают параллельные круги большего или меньшего диаметра, в зависимости от расстояния их от центральной звезды: это был первый шаг к открытию наклона мировой оси. Более продолжительные путешествия дали возможность наблюдать различие видов звездного неба в зависимости

от широты и времени года. Высота полярной звезды относительно горизонта, изменяясь с широтою, навела на мысль о шаровидности земли и, таким образом, мало-помалу составилось более верное понятие о строении мира.

Около 600 лет до Р. Х. Фалес Милетский (Малая Азия) говорит о сферичности земли, наклонении эклиптики и причине затмений.

Столетием позже Пифагор Самосский открывает суточное обращение земли вокруг своей оси, годовое движение ее вокруг солнца и причисляет планеты и кометы к солнечной системе.

За 160 лет до Р. Х. Гиппарх Александрийский (Египет) изобретает астролябию, рассчитывает и предсказывает затмения, наблюдает солнечные пятна, определяет тропический год и продолжительность обращения луны.

Как ни драгоценны были все эти открытия для успехов науки, но потребовалось не менее 2000 лет для их популяризации. Новые понятия могли тогда распространяться только посредством редких манускриптов и потому оставались достоянием немногих философов, которые сообщали их только немногочисленным избранным ученикам; народные же массы, которые никто не думал просвещать, совсем и не знакомились с ними и оставались при старых своих верованиях.

11. Около 140 г. христианского летоисчисления *Птоломей*, один из самых знаменитых мудрецов Александрийской школы, соединив свои идеи с народными верованиями и некоторыми современными ему астрономическими открытиями, составил систему, которую можно назвать средней. Она носит его имя и в течение 15 веков была единственной, признаваемой во всем цивилизованном мире.

По системе Птолемея Земля есть шар, находящийся в центре мира и составленный из четырех элементов: земли, воды, воздуха и огня. Это составляло первую область, называемую *элементарной*. Вторая, *эфирная*, состояла из одиннадцати небес или сфер, concentрически окружающих землю и вращающихся вокруг нее, а именно: сферы Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна, неподвижных звезд и первого хрустального неба, прозрачной, твердой сферы; потом второе хрустальное небо и, наконец, первый двигатель, приводящий в движение все низшие небеса и заставляющий их совершать один оборот в 24 часа. За этими одиннадцатью небесами находился *Эмпирей*, местопребывание блаженных, названный так от греческого слова *πυρ* – огонь. Считалось, что эта сфера проникнута блеском и сиянием света, подобного огню.

Верование в несколько небес, возвышающихся одни над другими, продержалось долго, но число их подвергалось изменению. Обыкновенно седьмое небо считалось высшим, отсюда и выражение: находиться на седьмом небе. Ап. Павел говорит, что он был восхищен на третье небо.

Независимо от общего движения, небесные тела, по понятиям Птолемея, имеют и свои собственные, более или менее обширные, в зависимости от отдаленности их от центра. Неподвижные звезды совершают один оборот в 25 816 лет. Последний расчет доказывает знание предвращения равноденствий, совершающегося действительно в 25 868 лет.

12. В начале XVI века Коперник, знаменитый астроном, родившийся в Торне (Пруссия) в 1472 г. и умерший в 1543, пересмотрел систему Птолемея и составил свою, которая, подтверждаясь ежедневными наблюдениями, одержала верх и совершенно опровергла идеи Птолемея. По новой системе в центре находится солнце, а планеты описывают вокруг него круговые движения; луна есть спутник земли.

Столетием позже, в 1609 г., Галилей, родившийся во Флоренции, изобретает телескоп, а в 1610 г. открывает четыре спутника Юпитера и вычисляет их движения. Он замечает, что планеты не имеют собственного света, а освещаются солнцем, что это сферические тела, подобные Земле; он наблюдает их фазы и вычисляет продолжительность их обраще-

ния вокруг своей оси; таким образом, он материальными доказательствами подтверждает систему Коперника и дает ей окончательную санкцию.

Этим была уничтожена теория о многочисленных небесах. Планеты были признаны мирами, подобными Земле и, подобно ей, вероятно, обитаемыми; звезды – бесчисленными солнцами, составляющими вероятные центры стольких же планетных систем; а наше солнце признано центральной звездой подчиненного ему планетного вихря.

Теперь стало ясно, что звезды не заключены в определенный пояс небесного свода, а неправильно разбросаны в беспредельности пространства. Те, которые кажутся нам близко соприкасающимися, в действительности находятся на неизмеримых расстояниях одна от другой; те, которые кажутся самыми маленькими – наиболее удалены от нас, а самые крупные, стоящие ближе других к земле, все же удалены от нее на сотни миллиардов миль.

Звездные группы, носящие названия созвездий, в действительности представляют только кажущееся расположение небесных тел, видимых на большем расстоянии; эти фигуры производятся перспективой подобно тому, как светящиеся точки, разбросанные по обширной равнине, или деревья в лесу представляются взором человека, находящегося на определенной неподвижной точке. В действительности эти группы не существуют, и если бы можно было приблизиться к одному из таких созвездий, то форма его исчезла бы и появились бы новые сочетания.

Если существование этих созвездий только кажущееся, то и значение, приписываемое им народным суеверием, обманчиво и влияние их вообразимо.

Чтобы отличать созвездия, им дали названия, например, созвездия Льва, Тельца, Близнецов, Девы, Весов, Козерога, Рака, Ориона, Геркулеса, Большой и Малой Медведицы, Лиры и пр. и изображали их фигурами, по большей части фантастическими, напоминающими названия, но не имеющими никакого отношения к кажущемуся виду созвездия. Потому было бы бесполезно искать эти фигуры на небе.

Вера во влияние созвездий, особенно тех, которые составляют двенадцать знаков зодиака, происходит от данных им названий; если бы созвездие, названное Львом, получило наименование осла или овцы, то ему, конечно, приписывали бы совсем другое влияние.

13. Итак, со времен Коперника и Галилея старые космогонии уничтожены совершенно. История повествует, какую борьбу должны выносить эти гениальные люди с предрассудками, своего времени и, особенно, с духом сектантства, заинтересованного в поддержке заблуждений, на которых основывались верования, считавшиеся неоспоримыми. Достаточно было изобретения одного оптического инструмента, чтобы разрушить многовековое сооружение. Но ничто не может устоять против истины, когда она признана таковой. Благодаря книгопечатанию, масса читателей, познакомившихся с новыми идеями, освободилась от иллюзий и приняла участие в борьбе. Таким образом, приходилось бороться уже не с отдельными личностями, а с общественным мнением, ставшим на сторону истины.

Как велик мир в сравнении с ничтожными размерами, приданными ему нашими отцами! Как чудно творение Божие, когда его видишь совершающимся по вечным законам природы. Но сколько было нужно времени, сколько гениальных трудов и усилий, сколько самоотвержения, чтобы открыть, наконец, глаза и сорвать повязку неведения.

14. Отныне путь был открыт, и много славных умов появилось для развития начатого дела. Кеплер в Германии открыл знаменитые законы, носящие его имя. Он доказал, что орбиты планет не кругообразны, а эллиптически, и что солнце занимает один из фокусов этих эллипсов. В Англии Ньютон открыл закон всемирного тяготения, а француз Лаплас создал науку о небесной механике. Теперь астрономия основывается уже не на приблизительных соображениях, а представляет науку, опирающуюся на самые точные данные математического анализа и геометрии. Таким образом, положен один из краеугольных камней истории Бытия через 300 лет после Моисея.

Глава 6. Всеобщая уранография (Космография)¹³

Пространство и время

1. Много было дано определений пространства, и главнейшее из них следующее: пространством называется расстояние, разделяющее два тела. Из этого некоторые софисты вывели, что где нет тела, не существует и пространства, и на этом некоторые богословы основали свое мнение, что пространство необходимо должно быть конечно, так как ограниченные в числе и объеме тела не могут составить бесконечного ряда и, следовательно, там, где прекращаются тела, должно прекратиться и пространство. Давались еще и другие определения пространства: место, в котором движутся миры, пустота, в которой действует материя и т. п. Оставим в трактатах, где они покоятся, все эти ничего не определяющие определения.

Пространство есть слово, выражающее первичную идею, аксиому, ясную бездоказательно и которую всякие определения могут только затемнить. Мы все знаем, что такое пространство, и я хочу только установить его бесконечность для того, чтобы последующие наши изыскания не встречали препятствий, ограничивающих наш кругозор.

Итак, я говорю, что пространство бесконечно, потому что нет возможности представить себе его границы и, несмотря на всю трудность постижения бесконечности, нам все-таки легче мысленно подвигаться в пространстве хотя бы целую вечность, чем, остановившись на каком-нибудь пункте, представить себе, что дальше уже нет протяжения.

Чтобы представить себе бесконечность пространства насколько это возможно при ограниченности наших способностей, предположим, что, покинув землю, затерянную в пространстве, мы направляемся к какой-нибудь точке вселенной и подвигаемся с быстротой электрической искры, проходящей тысячи миль в секунду. Через несколько минут, пролетев миллионы верст, мы находимся уже на таком расстоянии от только что покинутой нами земли, что она кажется нам едва заметной, бледной звездочкой. Еще мгновение, и, продвигаясь все в том же направлении, мы достигаем тех отдаленных созвездий, которые едва видны с вашего земного шара; и тут уже не только земля совершенно исчезает из наших глаз и теряется в глубинах небесных, но даже солнце во всем своем великолепии помрачается расстоянием. Но мы продолжаем двигаться с быстротою молнии и, с каждым шагом подвигаясь в пространстве, пролетаем через целые системы миров, целые острова эфирного света, целые млечные пути звезд и, наконец, через роскошные сияющие области, которые Бог усеял мирами в таком изобилии, как земные луга цветами.

Но мы двигаемся всего только несколько минут, и уже сотни миллионов верст отделяют нас от Земли и миллиарды миров прошли перед нашими глазами. И все же, слушайте: мы не подвинулись ни на шаг во вселенной!

И если мы будем так продолжать не минутами, а годами, веками, тысячами веков и миллионами вековых периодов и все с той же быстротой молнии, – то мы подвинемся не более прежнего. И то же будет, в какую бы сторону мы ни направились, куда бы ни устремились с той песчинки, которая называется Землей.

Вот что такое пространство!

2. Время, как и пространство, есть слово, само себя определяющее; о нем можно составить себе более верное понятие, установив его отношение к бесконечному целому. Время

---

¹³ Эта глава извлечена из серии сообщений, данных в Парижском Спиритическом обществе в 1862 и 1863 гг. под названием «Уранографические этюды» и подписанных именем Галилея. Медиум М. С. Ф.

есть последовательность явлений; оно связано с вечностью так, как вещи связаны с бесконечным пространством. Вообразим себе начало нашего мира, ту примитивную эпоху, когда земля не начинала еще колебаться, как кадило, под влиянием божественного побуждения, – одним словом, вообразим начало Бытия. Тогда время еще не выходило из таинственной колыбели природы и никто не мог бы сказать, какая это была эпоха: указатель вековых часов еще не был тогда приведен в движение. Но, тише! Вот пробил первый удар на часах вечности, и уединенная планета уже двинулась в пространстве – и был вечер, и было утро. Но вне этой земли, в пространстве, вечность все так же неподвижна и молчалива, хотя время идет для многих миров. На земле же вечность заменилась временем, и многие-многие поколения отныне будут отсчитывать минуты, годы и века.

Перенесемся теперь к последнему дню планеты Земля, к тому часу, когда, согбенная под тяжестью лет, она будет вычеркнута из книги жизни, чтобы более не появляться в ней: тут останавливается смена событий, движение, которым измерялось время, прекращается, а с ним кончается и самое время.

Вот простое изложение естественных событий, дающих начало времени, позволяющих ему продолжаться и, наконец, угасать. Этого довольно, чтобы показать, что с той точки, на которую мы должны стать для наших исследований, время не более, как капля, падающая из тучи в море, падение которой рассчитано и измерено.

Сколько миров в безграничном пространстве, столько и времен различных и несовместимых. А вне этих миров одна вечность заменяет последовательность этой преходящей чреды и своим неподвижным светом мирно наполняет всю необъятность небес. Необъятность беспредельная, вечность бесконечная – таковы великие свойства природы во вселенной!

Взор наблюдателя, пронизывающий беспредельные пространства, ни в чем не встречая препятствий, и ум геолога, проникающего за пределы веков до глубины отверстой пропасти вечности, в которой оба некогда исчезнут, действуют совместно, оставаясь каждый на собственном пути, и сообща достигают двойного понятия бесконечности: в пространстве и во времени.

Итак, не оставляя этого порядка суждений, нам легко будет постичь, что время есть только отношение преходящих явлений и зависит исключительно от предметов измеримых, потому, если, принимая земные века за единицу, мы будем нагромождать их тысячами на тысячи и, таким образом, составим колоссальное количество, то число их составит все-таки только точку в бесконечности; также и миллионы миль, присоединенные к миллионам миль, не более, как точка в беспредельном пространстве.

Так, например, века не входят в эфирную жизнь души, и мы могли бы написать число, равняющееся длине земного экватора, и предположить, что мы прожили столько же веков, но дух наш не состарился бы от этого ни на один день. Прибавив к этому бесчисленному количеству веков еще целую серию, цифровое изображение которой имело бы длину, равную расстоянию земли от солнца или даже большую, и воображая себе, что мы прожили все это непостижимое число лет, то, дойдя до конца, мы увидели бы, что вся масса веков, прошедших над нашими головами, как будто не существовала: перед нами, все-таки, целая вечность.

Время есть только относительное измерение последовательности преходящих явлений, а вечность неизмерима никакою мерою в отношении продолжительности: для нее все и всегда в настоящем.

Если века веков меньше секунды в сравнении с вечностью, что значит продолжительность жизни человеческой!

Материя

3. Как глубоко разнообразны и существенно различны кажутся нам с первого взгляда все вещества, составляющие мир. Мы не находим не только полной тождественности, но даже ближайшего сходства в составе веществ, искусственных или природных, ежедневно проходящих перед нашими глазами. Какое несходство в твердости, сжимаемости, весе и многих других свойствах тел, между атмосферическими газами и золотою жилой, между водяною молекулою облака и атомом минерала, образующего твердый остов земного шара! Какая разница в тканях и химическом составе разнообразных растений, украшающих землю, и не менее многочисленных представителей животного царства!

Однако мы можем считать абсолютным принципом, что все известные и неизвестные вещества, как бы различны они нам ни казались в отношении их внутреннего состава или их взаимодействия, в действительности представляют только видоизменения проявлений материи, только различные ее превращения, происходящие под влиянием бесчисленных действующих на нее сил.

4. Химия, сделавшая столь значительные успехи со времени начала моей жизни, когда ее причисляли еще к тайной области магии, эта новая наука, по справедливости называемая детищем эпохи точных знаний и основанная исключительно и гораздо более, чем ее старшие сестры, на опытном методе, химия совершенно уничтожила и опровергла понятие о четырех элементах, признаваемых древними в природе! Она доказывала, что состав земли состоит из многих субстанций, соединенных различным образом, что воздух и вода также разложимы и состоят из определенного количества атомов газа; а огонь не только не основной элемент вещества, но состояние материи, зависящее от всемирного движения, которому она подчинена, и от явного или скрытого окисления.

Взамен она открыла большое количество элементарных тел, до тех пор неизвестных. По ее предположению, эти тела в определенных пропорциях входят в состав разных веществ и тел, изученных ею, и совместно участвуют в работах великой лаборатории природы. Эти элементы она назвала простыми телами, чтобы указать на то, что она считает их первичными и неразложимыми и что никаким воздействием их невозможно привести к более простым формам.¹⁴

5. Но там, где останавливаются исследования человека, даже вооруженного самыми совершенными искусственными чувствами, действие природы продолжается. Там, где кажущееся становится в глазах большинства на место действительного, где практик-ученый уже начинает различать начало вещей, там перед взорами проницательного наблюдателя, умеющего схватить настоящее творчество природы, открывается первобытная, космическая материя, простая и единая. Образуя составные материалы вселенной, она разнообразится в некоторых частях при их происхождении и разделяется на солидарные тела, которые по миновании их жизни вновь разложатся и рассеются в пространстве.

6. Есть вопросы, которых мы сами, духи, страстно преданные науке, не в силах разрешить, о которых мы можем высказать только личные, более или менее верные догадки. По этим вопросам я не буду высказывать своего мнения или постараюсь его доказать; но настоящий вопрос не относится к их числу. Потому я скажу желающим видеть в моих словах рискованную или неосновательную теорию: окиньте, если можете, одним взглядом все разнообразие превращений природы, и вы поймете, что, не признавая единства материи, нельзя

---

¹⁴ Главными простыми телами считаются из неметаллических: кислород, водород, азот, хлор, углерод, фосфор, сера и йод; к металлическим принадлежат: золото, серебро, платина, ртуть, свинец, олово, цинк, железо, медь, мышьяк, сода, поташ, кальций, алюминий и проч.

объяснить не только солнечных систем или звездных сфер, но, не заходя так далеко, даже прозябания семени в земле или зарождения насекомого.

7. Если мы находим такое разнообразие в материи, то это происходит оттого, что силы, производившие ее превращения, и условия, в которых они проявлялись, были бесчисленны, а потому и разнообразие соединений бесконечно и не могло бы быть иным.

Итак, к какому бы разряду ни относилась рассматриваемая материя, к флюидам или веществам невесомым, или к телам, обладающим обыкновенными свойствами материи, но в мире есть только одна первобытная субстанция – *космическая материя*.

Законы и силы

8. Если бы одно из малоизвестных существ, проводящих свое эфемерное существование в мрачных глубинах океана, одна из этих nereид – жалкое животное, знакомое с произведениями природы только по некоторым образцам рыбных пород или подводных зарослей, внезапно получило дар разумности и способность изучать свой мир, составляя о нем гипотетические предположения, обнимающие всеобщность его явлений, какое понятие могло бы оно составить себе о живых существах, развивающихся в его среде, и о земном мире, выходящем из поля его наблюдений?

Если бы, далее, чудесным действием новых способностей это самое существо было поднято над вечным мраком морской глубины и перенесено на богатое роскошной растительностью побережье, освещенное блестящими лучами солнца, распространяющими благотворную теплоту, что оно подумало бы о прежней своей теории строения мира? Не отказалось ли бы оно от преждевременных своих заключений и не перешло ли бы к более широким соображениям? Но и эти оказались бы вскоре столь же неполными, как и первые. Таково, о люди, изображение и вашей, вполне умозрительной науки.¹⁵

9. Итак, намереваясь обсуждать вопрос о силах и законах, управляющих вселенной, я, будучи, подобно вам, существом относительно невежественным в сравнении с истинным знанием, хотя мое положение и дает мне кажущееся превосходство над моими земными братьями, и я имею возможность изучать некоторые естественные явления, недоступные вам в вашем положении, но цель моя состоит только в том, чтобы изложить нам общие начала всемирных законов без подробного объяснения их действия и без перечисления зависящих от них специальных сил.

10. Существует эфирный флюид, наполняющий пространство и проникающий все тела; этот флюид и есть *эфир*, или первичная *космическая материя*, образующая миры и отдельные существа. Эфиру свойственны и нераздельны с ним силы, производящие превращения материи и непреложные и необходимые законы, управляющие миром. Эти многообразные формы, бесконечно разнообразные в сочетаниях материи, применяющиеся и различающиеся, в зависимости от условий и среды, в которой они действуют, известны на земле под названиями: тяготения, сцепления, сродства, притяжения, магнетизма и активного электричества, а вибрации вещества получают наименование: звука, теплоты, света и пр. В других мирах они проявляются в других видах и имеют другие, неизвестные в этом мире свойства, и в безграничном протяжении небес развиваются бесчисленные силы, величие которых мы так же мало можем оценить, как жалкое мягкотелое на дне морском может обозреть всеобщность явлений на земном шаре.¹⁶

---

¹⁵ Таково также положение отрицателей мира духов, когда, покинув свою телесную оболочку, они поражаются видом новых, открывающихся им, горизонтов этого мира. Тогда они понимают всю пустоту теорий, которыми они хотели вывести все из одной материи. Но и тут многое еще остается скрытым от них, и многие тайны открываются им только постепенно, по мере их очищения. Однако уже с первых своих шагов в этом новом мире они бывают вынуждены сознаться в своем ослеплении и в том, как они были далеки от истины.

¹⁶ Мы все относим к тому, что знаем, и не можем понять того, что выходит за пределы наших чувств. Так, слепой от рождения не понимает света и не признает пользы зрения. Возможно, что в другой среде космическая материя представляет свойства или сочетания, о каких мы не имеем понятия; может быть, она производит явления, приспособленные к неизвестным нам потребностям, причем получают и неведомые для нас впечатления. Мы не понимаем, например, что бы можно было видеть без телесных глаз или без света, но откуда мы знаем, что не существует других условий, кроме света, к которым приурочены в другие организмы? Примером этого может служить сомнамбулическое зрение, которому не препятствуют ни расстояние, ни материальные преграды, ни темнота. Предположим, что в каком-нибудь мире существа нормально находятся в том состоянии, в каком наши сомнамбулы бывают только исключительно. Им не нужны ни наш свет, ни наши глаза, однако, они видят то, чего мы видеть не можем. То же можно сказать и обо всех остальных чувствах. Условия жизни, ощущения, впечатления и потребности изменяются вместе со средой.

Так как субстанция, производящая все тела, едина, проста, первична и изменяется только в своих соединениях, так и силы ее зависят от общего закона, изменяемого в явлениях, но установленного высшим провидением, вечными велениями его для поддержания во всем творении гармонии и устойчивости.

11. Природа никогда не противоречит сама себе, и на гербе ее мы читаем неизменный девиз: единство. Поднимаясь по лестнице миров, встречаешь разнообразие, единство гармонии и творения и в то же время бесконечное разнообразие в этом величественном цветнике созвездий. Проходя по ступеням жизни от последнего ничтожнейшего существа до Бога, познаешь великий закон последовательности и единства. Рассматривая же силы сами по себе, можно составить связную серию или цепь, конечное звено которой, соединяясь с первоначальным, образует всемирный закон.

Вы не могли бы постичь этот закон во всем его объеме потому, что силы, выражающие его в области, доступной вашим наблюдениям, узки и ограничены; однако же, на электричество и тяготение можно смотреть, как на широкое приложение первобытного закона, царящего на небесах.

Все эти силы вечны – мы объясним это слово – и всемирны, как творение. Они существуют космическому флюиду, а потому действуют всегда и во всем, изменяя свои действия одновременностью или последовательностью, усилением в одном месте и ослаблением в другом; могущественные и активные в некоторых пунктах, они потенциальны и скрыты в других; в конечном же результате они готовят, направляют, поддерживают и разрушают миры в разные периоды их существования и управляют чудесными творениями природы, в какой бы точке они ни появлялись, и навеки обеспечивают непостижимое великолепие вселенной.

Первоначальное творение

12. Рассмотрев вселенную с общей точки зрения ее составных частей, законов и разнообразных свойств, мы можем перейти к процессу ее образования, произведшему миры и отдельные существа. Потом мы опустимся к сотворению собственного земного шара, к его современному положению и отношению его к общему целому вселенной и, наконец, считая его точкою отправления и относительной единицей, мы приступим к изучению планет и звездных сфер.

13. Если мы хорошо поняли отношение или, лучше сказать, противоположность вечности и времени, если мы вполне усвоили мысль, что время есть только относительное измерение последовательности преходящих явлений, а вечность по самой сущности своей едина, недвижима и постоянна, что к ней не приложима никакая мера времени или продолжительности, то мы понимаем, что для нее нет ни начала, ни конца.

С другой стороны, если мы себе составили верное понятие, хотя, конечно, весьма слабое, о бесконечности могущества Божия, то мы поймем возможность и того, что мир всегда был и всегда будет. Раз только существовал Бог, то существовали и вечные Его совершенства. Прежде, чем родились времена, Божественное Слово раздалось в неизмеримой вечности и оплодотворилось столь же вечное пространство.

14. Бог, будучи по природе Своей предвечен, творил всегда и вечно, и это не могло быть иначе. Как бы далеко мы ни отодвигали в своем воображении предполагаемые пределы творения, все же за этими пределами останется целая вечность – взвесьте это выражение – целая вечность, в течение которой Божественные Ипостаси, как безначальная воля, были бы погружены в немую летаргию, бездеятельную и бесплодную, в вечность, как бы мертвую для вечного Отца общей жизни, в вечность немого равнодушия для Слова, управляющего этой жизнью, и холодного и эгоистического бесплодия для животворящего духа вечной любви.

Проникнемся же лучше величием воли Божией и непрерывностью ее действия под руку Единого Сущего! Бог – это солнце всего существующего, это свет мира!

Так, при появлении солнца мгновенно разливаются волны света и, распространяясь, наполняют пространство. Так и мир, созданный Предвечным, восходит до непостижимых пределов бесконечных времен, до слов: «Да будет свет!», раздавшихся в начале.

15. Итак, истинное начало вещей восходит до Бога, а их последовательное появление в существовании относится к порядку непрерывного творения.

Какой смертный мог бы рассказать, какое неведомое великолепие, скрытое завесой времен, развилось тогда, в ту древнюю эпоху, когда еще не существовало ни одного из чудес современного мира; в ту первичную эпоху, когда раздался голос Бога и собрались материалы, долженствовавшие в будущем, сами собой симметрично расположившись, образовать храм природы; тогда этот таинственный голос, который все существующее чтит и любит, как голос матери, произвел и первые созвучия, образовавшие вечную музыку бесконечных небесных сфер!

Мир, в колыбели своей, еще не пользовался полнотою и зрелостью жизни; нет, творческая сила никогда не противоречит себе, и мир, как все живое, должен был родиться ребенком. Первобытная космическая материя под влиянием создавшего ее творческого импульса и по указанным ей законам произвела вихри, скопления рассеянных флюидов и туманных масс, которые сами собою рассеивались и до бесконечности изменялись, чтобы порождать в различных точках неизмеримого пространства разбросанные центры одновременных и последовательных созданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.